

Краснодарский университет МВД России

**ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС УКРЕПЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Учебное пособие

Краснодар
2020

УДК 008(075.8)
ББК 71.05я73+66.4(2Рос)я73
И29

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Авторы:

И. П. Скворцов (гл. 3 – 3.1, гл. 4, гл. 5), *С. А. Глотов* (гл. 5),
Г. П. Отюцкий (гл. 2, гл. 3 – 3.2–3.4), *Н. В. Нарыков* (гл. 1)

Ответственный редактор *И. П. Скворцов*

Рецензенты:

М. Н. Насиров, кандидат философских наук (Нижегородская академия МВД России);

С. А. Лемешкин (УРЛС ГУ МВД России по Краснодарскому краю).

Идентичность как ресурс укрепления национальной безопасности : учебное пособие / И. П. Скворцов, С. А. Глотов, Г. П. Отюцкий, Н. В. Нарыков; отв. ред. И. П. Скворцов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – 124 с.

ISBN 978-5-9266-1675-7

Рассматривается понятие идентичности и его использование в современном научном и политическом дискурсах, анализируются тенденции происходящих в современном обществе социально-политических изменений и их влияние на динамику идентичности. Учитывая актуальность в современных условиях проблем безопасности общества, авторы особое внимание уделяют цивилизационным, социокультурным, духовным аспектам безопасности во взаимосвязи с проблематикой идентичности.

В пособии представлен анализ широкого спектра научной литературы по избранной тематике, изложены основные положения теории и практики обеспечения безопасности российского общества и государства.

Для преподавателей, адъюнктов, курсантов вузов МВД России, специалистов и руководителей, работающих в сфере обеспечения национальной безопасности.

УДК 008(075.8)
ББК 71.05я73+66.4(2Рос)я73

ISBN 978-5-9266-1675-7

© Краснодарский университет
МВД России, 2020

© Скворцов И. П., Глотов С. А.,
Отюцкий Г. П., Нарыков Н. В., 2020

Предисловие

Для Российской Федерации актуальность проблемы обеспечения национальной безопасности обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, резко изменились геополитические факторы безопасности России. Страна из статуса сверхдержавы перешла в разряд государств регионального масштаба, что повлекло за собой изменение количества и качества угроз ее безопасности. Во-вторых, на современном этапе социально-политического развития России приоритетными являются проблемы внутренней безопасности страны: негативные тенденции в области демографических процессов, сырьевой характер экономики, значительная социальная дифференциация, имеющийся потенциал внутренних конфликтов этнонационального характера и др. В-третьих, использование ресурсов духовности, идентичности, культуры общества позволяет более эффективно выстраивать систему национальной безопасности.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются: защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина; сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.

Из приведенных положений можно заметить, что важное место в политике обеспечения безопасности страны уделяется вопросам достижения социального и духовного единства народа, поддержания политической и социальной стабильности, т. е. вопросам социокультурного характера, непосредственно затрагивающим параметры социальности современного российского общества. Это не случайно, так как достижение состояния безопасности социума невозможно без должного уровня социальной культуры, социального согласия, сплоченности и сформированной идентичности.

Не будет преувеличением указать, что противоречивость и болезненность преобразований постсоветской России, достижения необходимого качества социальной стабильности во многом обусловлены неразрешенной проблемой культурной, гражданской идентичности, отсутствием единства общества и власти относительно цивилизационной, культурной, геополитической специфики страны.

Дискурс идентичности можно рассматривать как действенный механизм воспроизводства социальной реальности, влияющий в числе прочего на процессы укрепления национальной безопасности.

Подготовка специалистов для органов внутренних предполагает глубокое рассмотрение проблем безопасности в различных сферах общественной жизни.

Глава 1 Методологический аспект национальной безопасности

1.1 Безопасность как социальное явление: методология анализа

Усложнение геополитической реальности, взрывной характер увеличения методов, способов и форм организации взаимодействия различных акторов цивилизационного процесса, серьезное увеличение количества субъектов разработки и принятия политико-управленческих решений в науке и политике в настоящее время привело к кардинальным изменениям во взглядах на безопасность и возможности ее обеспечения, все больше наполняя это понимание и практику реализации системным видением и системной деятельностью. Такой подход позволяет выйти за рамки представлений о политике обеспечения безопасности только военно-силового содержания. Возникло понимание того, что сейчас необходимо противостоять серьезным опасностям одновременно в самых различных направлениях – политическом, экономическом, социальном, экологическом, военном, научно-техническом, информационном и др. – и весьма взвешенно представлять ресурсную обеспеченность реализации политики безопасности гражданина, общества, государства

Основанием для конституирования, институализации различных моделей обеспечения того или иного вида безопасности (экономической, социальной, экологической, военной и т. п.) является комплекс объективных предпосылок, а именно:

- потребность социума в формировании чувства защищенности для сохранения и развития личности, общества и государства, социокоммуникативных связей и отношений, а также жизненно важных объектов и ценностей (природных и социальных);
- уязвимость людей и жизненно важных объектов без формирования соответствующей системы безопасности;
- нормативное закрепление систем безопасности в рамках соответствующих концепций, политико-управленческих решений и международных соглашений.

Потребность в безопасности относится к числу первостепенных мотивов деятельности людей и сообществ. Стремление обезопасить важные жизненные аспекты является одной из причин формирования специальных институтов (вооруженных сил, полиции, службы охраны от стихийных бедствий и т. п.), ряда международных организаций, включая ООН, призванных предохранять народы от угроз, носящих как общецивилизационный характер, так и локальный, с перспективой перехода в общемировой. В этом выражается закономерная логика: от защиты больших социальных общностей – к защите каждого индивида как важнейшей самоценности. Если военная безопасность обеспечивает территориальную неприкосновенность и целостность, свободу и независимость государства, экономическая безопасность – сохранение и развитие хозяйственного механизма, экологическая – безопасность природы, то социальная служит защите человека как высшей ценности любой страны. Перечисленные виды безопасности, занимая фундаментальную роль, защищают человека как бы косвенно, опосредованно.

Потребность в обеспечении безопасности, внимание к проблемам ее обеспечения проявляются постоянно, но особенно обостряются в периоды серьезных геополитических изменений в мировом устройстве. Так происходит и в настоящее время, когда многие вопросы рассматриваются не только на национальном, но и глобальном уровне перед лицом реальной альтернативы – самоуничтожения человечества (самыми различными, порой совершенно непредвидимыми способами) или его устойчивого развития при сохранении баланса с природной средой. Поэтому вопросы обеспечения безопасности отдельных государств, коллективной безопасности регионов и всего мира в целом вновь обсуждаются во многих странах и на международных форумах.

В настоящее время представления о национальной и коллективной безопасности расширились и включают не только традиционные аспекты обеспечения военной безопасности (защита от возможной внешней вооруженной агрессии), политической или государственной безопасности (защита существующего строя и формы власти), но и экономической безопасности (достаточный для удовлетворения потребностей общества уровень промыш-

ленности и сельского хозяйства), экологической безопасности (защита от природных или антропогенных разрушительных сил и пагубных последствий нарушения природного баланса), популяционной и медико-санитарной (эпидемиологической) безопасности, которая неразрывно и сложно связана с биологическими основами человеческого организма и социальными условиями его существования, а также ряд других аспектов. Они устойчивы и инерционны, в силу чего разрушаются последними, а восстанавливаются (если вообще восстанавливаются) с большим трудом и спустя длительные сроки. Именно поэтому в критические моменты они оказываются решающими.

Понимание и даже определение аспектов национальной и коллективной безопасности еще не устоялись, но в итоге содержание и формы обеспечения безопасности личности, общества, государства и эффективность ее достижения зависят от количества и качества народонаселения, от его устойчивого развития.

Количественный фактор важен потому, что большие (многочисленные) народы могут успешнее и лучше, чем малые, защитить себя и свои интересы и от внешнего противника, и от природных катаклизмов. Поэтому так важна динамика и направленность демографических процессов (рождаемости, смертности, миграций).

Не менее важно и качество, которое лучше и полнее всего определяется уровнем здоровья населения как «состояния полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней или физических дефектов» (Устав ВОЗ). Это понятие применимо к отдельному человеку, семье или ко всему обществу. Однако показатели и методы оценки индивидуального и общественного здоровья весьма различны. Как отдельно взятая личность, так и малообразованное население, если оно ослаблено, истощено, страдает от эпидемических и других болезней, имеет значительно меньший запас прочности и потенциал здоровья.

Безопасность в научной литературе рассматривается главным образом как политико-прикладная, а не всеобщая гуманитарная категория, относительно самостоятельное социальное понятие. Содержание всеобщности в понятиях «опасность» и «без-

опасность» пока еще не обрело общепринятого статуса в научной общественности и понимания необходимости реализации этого статуса в политико-управленческих решениях и действиях.

Ранее считалось, что безопасность – это защищенность общества от военной угрозы, охрана государственных границ и секретов, борьба с подрывной деятельностью и инакомыслием. Помимо перечисленного, это еще защита от чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, происходящих в природе и в области техники (техногенные аварии и катастрофы), а также в результате антропогенного воздействия на окружающую среду, что по масштабу соизмеримо с природными процессами.

При этом социальные, политические, правовые и духовно-нравственные представления и чувства личности оказались на втором плане. Социальная же безопасность, основанная на выживаемости человечества, является фундаментальной категорией, общим понятием. Вне человека, его природной и социальной среды обитания и жизнедеятельности само понятие безопасности теряет всякий смысл. Осознание состояния реальных опасностей и угроз – одно из важнейших и необходимых условий индивидуального и общественного существования человека, его становления, сохранения и развития.

Безопасность – динамичное явление, требующее постоянных усилий, способствующих устранению несправедливости и угроз в развитии человечества. Рассмотрим характер и источник этих угроз. Прежде всего, это недооценка государством, обществом результатов достижений науки, образования, культуры, их места и роли в духовной сфере. В связи с этим социальное настроение специалистов и ученых будет обусловлено ненужностью и невостребованностью реального образования и высокой науки. Духовный нигилизм, охвативший общество, опасен и может привести к обвальному падению значимости интеллектуального труда как социальной и духовной ценности для всех слоев общества. Отсутствие потребности в знаниях и образовании у определенного сегмента социума, особенно потеря к ним интереса у молодежи, формирование позитивного отношения к знанию как «ценному», только если оно может быть «монетизировано», порождает интеллектуальную ущербность личности, снижает уровень ее общей

культуры, примитивизирует нравственные ориентиры и приоритеты, ведет к сокращению гуманитарной составляющей системы общественных связей, снижению профессионализма.

Фундаментальная наука и образование вносят незаменимый вклад в удовлетворение материальных и духовных потребностей, участвуют в формировании мировоззрения, уяснении человеком своего места в сфере труда, природе, обществе. Наука и образование являются неотъемлемой частью производства и культуры, мощными средствами, обеспечивающими безопасность мировой цивилизации.

Серьезной социальной угрозой является и манипулирование общественным сознанием с помощью средств массовой информации – прессы, радио, телевидения. Дезинформация (так называемая фейкизация содержания деятельности СМИ), пропаганда насилия и игнорирование приоритета трудовой деятельности стали всеобщей опасностью для населения во всех странах мира. Снова возникли различные страхи и опасения, отнимающие у людей жизненные силы и обременяющие сознание любого разумного человека (например, страх потери работы, болезни и необеспеченной старости, опасения за личную жизнь, семью, детей, за судьбу Родины).

Каждое общество имеет систему ценностей, определяющую его существование и развитие. В ней есть ценности, которые носят не преходящий, а универсальный, устойчивый характер. Среди них особое место принадлежит безопасности. В.И. Даль определяет это понятие как «отсутствие опасности, сохранность, надежность»¹. В связи с этим следует подчеркнуть, что безопасность как состояние сохранности и надежности предполагает поддержание определенного баланса между негативным воздействием на субъект окружающей его среды и его способностью преодолеть это воздействие либо собственными ресурсами, либо с помощью соответствующих, специально для этого созданных политических и иных структур.

¹ Даль В.И. Толковый словарь: в 4 т. М., 1985. Т. 1. С. 68; Ожегов С.И. Толковый словарь. М., 1977. С. 41.

Составители Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон в 1891 г. характеризовали личную и имущественную безопасность как главнейший диалог человеческого развития и указали три категории опасности, для предупреждения которых и создается безопасность в стране: угроза определенному лицу, государству и обществу; угроза непосредственно правительству; угроза отдельному гражданину¹.

Безопасность – одна из основополагающих категорий политической науки. Ее анализ можно встретить у таких известных авторитетов политической науки, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс и др. Н. Макиавелли писал, что существуют две причины, побуждающие народ к свободе: небольшая часть народа желает быть свободной, дабы властвовать, все же остальные, а их подавляющее большинство, стремятся к свободе ради своей безопасности².

В литературе выделяются два основных подхода к пониманию феномена безопасности.

Первый подход исходит из объектного понимания безопасности как проявления объективной природы объектов сохранять устойчивость при различных отрицательных влияниях. Именно в этом контексте безопасность понимается как определенное свойство (атрибут) системы. В настоящее время распространенным является понимание безопасности как формы саморегулирования системы, которое позволяет ей сохранить свое качество.

Результатом отождествления безопасности с саморегулированием является энтропийное и гомеостатическое понимание безопасности.

Энтропийное понимание безопасности базируется на понимании энтропии как части внутренней энергии замкнутой системы в качестве меры внутренней неупорядоченности системы. При этом безопасность и устойчивость системы рассматривается как определенная зависимость от направленности и динамики энтропийных процессов.

Гомеостатическое понимание безопасности основывается на понятии гомеостаза как совокупности реакций, направленных на

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 3. С. 304–307.

² Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 412–413.

устранение или максимальное ограничение действия различных факторов внешней и внутренней среды, нарушающих относительное динамическое постоянство состава и свойств внутренней среды, определяющего устойчивость системы. Безопасность здесь понимается как устойчивое состояние системы, возникающее в результате поддержания равновесия с окружающей средой. Однако отождествление безопасности с гомеостазом приводит к отрицанию развития, которое нарушает равновесие существующего состояния системы.

Второй подход основывается на признании субъектного характера феномена безопасности, который составляет основу деятельности, ценностных и других определений этого понятия. Однако некоторые исследователи рассматривают феномен безопасности как производный от социального интереса.

Основа понимания феномена безопасности формируется в изучении природы безопасности как единства формы и содержания, без шаблонов односторонности в его определении.

Понятие «безопасность» принадлежит к числу наиболее употребляемых понятий политологической мысли. Так, безопасность, в зависимости от культурных контекстов, может предполагать: обеспеченность, уверенность, страховку, спокойствие, отсутствие угроз.

Безопасность необходимо рассматривать, прежде всего, как сочетание трех явлений:

- как отсутствие опасностей и угроз;
- как степень устойчивости к возникающим угрозам, определенный иммунитет, запас прочности тех или иных объектов;
- как способность и готовность защищаться или устранять эти угрозы и восстанавливать статус-кво.

Таким образом, безопасность – это состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития.

Безопасность – это положение (состояние), при котором на некий объект не могут воздействовать факторы опасности и угрозы. Однако такое практически недостижимо, потому что абсолютного отсутствия опасности достичь невозможно. В реальной

жизни опасность самого различного характера всегда существовала и будет существовать. Ее можно разделить по масштабу: частная (ограниченная по отношению к отдельным людям, объектам и т. п.); локальная, всеобщая и глобальная. Поэтому целесообразно говорить об уровнях безопасности, величине, которая выражает степень реальной возможности воздействия на объект факторов опасностей и угроз, характеризует результат столкновения двух противоположно направленных сил: факторов опасностей, угроз и мер, противостоящих этим факторам.

В соответствии с видами опасности, пространственно-географическим взаимодействием социальных организмов связано наличие следующих относительно самостоятельных геополитических уровней безопасности: международная (всеобщая, глобальная) безопасность; международная региональная безопасность; национальная (страновая) безопасность.

В политической науке за рубежом много лет оперируют понятием *«национальная безопасность»*. Наиболее полно концепция национальной безопасности разработана политологами США, а сам термин появился в политическом лексиконе в начале XX в. Источник понятия «национальная безопасность» западные авторы видят в теории «национальных интересов». Этот подход впервые был предложен видным американским социологом У. Липпманом, который в 1943 г. отмечал, что государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится жертвовать своими интересами. При этом под национальными интересами понимаются такие, по которым страна ни в коем случае не пойдет на компромисс, а при необходимости готова будет вступить ради их обеспечения в войну.

Значительный вклад в разработку теории национальной безопасности внесли Б. Броуди, М. Гальперин, Г. Канн, Г. Киссинджер, Г. Моргентау, Дж. Шлесинджер и др. В настоящее время проблема национальной безопасности является центральной в исследовательской деятельности школы «стратегического анализа» Запада.

В теорию и практику России понятие «национальная безопасность» стало входить с начала 1990-х гг. Термин «национальная» в данном случае не несет национально-этнической

окраски. Нация в данном контексте понимается как территориально-государственная общность, основанная на устойчивых социально-политических, экономических, культурных и иных связях. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ, национальная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹.

Итак, безопасность – это не благо, дарованное извне в виде защиты, охраны, а имманентное свойство отдельной личности, общества, государства. Специфика безопасности определяется спецификой опасностей и угроз и средствами реакции на них. Национальная безопасность должна рассматриваться не как состояние прочности, стабильности, незыблемости, а как системное свойство страны, которое позволяет ей прогрессивно развиваться в условиях существования рисков, неопределенностей, вызовов и опасностей.

В методологии подхода к анализу проблемы национальной безопасности просматриваются два направления. Одно определяет ее через силу, т. е. через преобладание мощи страны над другим государством или группой стран. Другое решает проблему с позиции взаимодействия государств, т. е. рассматривает укрепление национальной безопасности сквозь призму создания оптимальных условий развития всей системы международных отношений.

Национальная безопасность представляет собой сложную многоуровневую систему, которая формируется под действием множества факторов. В их числе географические, природно-климатические, демографические, социально-политические, экономические, военно-политические, этнические, нравственно-этические и иные условия, культурные, национальные, религиозные традиции.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Основными субъектами этой системы являются личность как биосоциальная система, социальная группа (по классификации недавнего прошлого – класс, социальная прослойка), общество, государство, народ.

Таким образом, необходим целостный, системный подход к исследованию феномена национальной безопасности, источников ее формирования и развития, внутренней структуры, условий обеспечения эффективности. Национальная безопасность – вид безопасности на уровне отдельных стран, при котором исключается угроза войны и посягательств на суверенитет страны, ее независимость и территориальную целостность. Этот вид безопасности предполагает безусловную возможность для проведения государством самостоятельной внешней и внутренней политики, отсутствие внешнего вмешательства в его дела. Важным элементом безопасности страны является защита прав человека, обеспечение условий для нормальной жизнедеятельности общества.

В начале XXI в. существенно расширяется и приобретает значительное многообразие спектр опасностей, угрожающих самому существованию человечества и государств, в том числе и России.

В пункте 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальные интересы России определены как объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития.

В отечественной политологической литературе термин «национальные интересы» стал употребляться сравнительно недавно и трактуется неоднозначно. В то же время для многих зарубежных исследователей и действующих политиков, например из США, его значение практически давно однозначно – «национальные интересы» сродни «государственным интересам».

Проанализировав содержание продолжающейся научно-теоретической дискуссии среди российских исследователей, можно выделить следующие подходы к трактовке национальных интересов.

Сторонники одного из подходов рассматривают национальные интересы как этнические и предлагают использовать данный термин преимущественно для отражения интересов националь-

ной общности или социальных групп, объединенных специфическими связями и взаимоотношениями генетической и культурной однородности. В этом контексте национальные интересы рассматриваются как этнонациональные, включенные в структуру государственных интересов. Такой подход вполне приемлем, но только в отношении этнополитической сферы. Сегодня нет ни одной развитой нации, которая не была бы полиэтнична. Разумеется, применительно к таким государствам, как Россия, это теоретически актуально и практически оправданно.

Вместе с тем в научном плане отождествлять понятия «национальные интересы» и «государственные интересы» неправомерно.

Авторы второго подхода используют термин «национальные интересы» при характеристике приоритетов внешней политики Российского государства. Несовершенство этого подхода состоит в том, что за рамками «национальных интересов» в этом случае остается не менее, а даже более важная их часть, связанная с внутренними проблемами россиян, государства, российского общества в целом.

Сторонники третьего подхода руководствуются тем, что «национальными интересами» может обладать нация-государство со значительной степенью независимости гражданского общества от государственных властных структур. Эта позиция интересна и не вызвала бы сомнений, если бы речь шла об идеальном правовом государстве.

Хорошо известно, что в правовом государстве эффективно функционируют механизмы волеизъявления народа, что позволяет государству выступать носителем и выразителем истинно национальных, а не корпоративных (групповых) интересов. В иных случаях (т. е. в условиях отсутствия зрелого правового государства) государство может выражать корпоративные интересы различных социальных общностей и даже преимущественно собственные бюрократические интересы.

И наконец, многие отечественные и зарубежные исследователи рассматривают «национальные интересы» как собирательное понятие и сближают их с интересами государства. По их мнению, в реальной жизни действуют достаточно постоянные

факторы экономического, политического, духовного, геополитического, конфессионального, национального характера, которые при самых разных обстоятельствах формируют национальные интересы государства.

Необходимо отметить, что приведенная точка зрения во многом отражает специфику России и в силу этого заслуживает особого внимания. Дело в том, что в реальной практике национальные интересы всегда опосредованы и обусловлены целями и интересами главного субъекта общественной и политической жизни – государства. Это подтверждается всей многовековой историей России, а также результатом исследований многих отечественных ученых. Например, указывая на этот факт, известный русский философ И.А. Ильин подчеркивал, что государство имеет дело «исключительно с общим всенародным интересом, ибо частный и личный интерес граждан может постольку приниматься в расчет, поскольку он может быть востребован и истолкован как интерес общий и всенародный».

Таким образом, главная задача состоит в том, чтобы в этих интересах были аккумулированы интересы личности, различных социальных групп и общностей, общества и самого государства.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что национальные интересы – это объективно существующие, осознанные потребности, ценности и установки личности, общества и государств, связанные с обеспечением безопасности во всех сферах жизнедеятельности общества, его устойчивого и динамичного развития на длительную перспективу.

Национальные интересы имеют объективно-субъективную природу.

Объективная природа обусловлена реальными потребностями личности, общества и государства в обеспечении экономической, политической, социальной и духовно-нравственной стабильности в обществе, прочного внутреннего и внешнего суверенитета государства, его территориальной целостности и международного авторитета.

Субъективная сторона национальных интересов состоит в том, что их носителями и конкретными выразителями являются индивиды (личности), государство и общество с присущими

только им социальными ценностями и потребностями, устремлениями и установками в обеспечении эффективной безопасности во всех сферах жизнедеятельности.

Так, интересы личности состоят в реальном обеспечении конституционных прав и свобод, личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии.

Интересы общества включают в себя: упрочение демократии, достижение и поддержание общественного согласия, повышение созидательной активности населения, экономический прогресс и духовное возрождение России.

Интересы государства состоят в защите конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, установлении экономической и социальной стабильности, безусловном исполнении законов и поддержании правопорядка, развитии межгосударственного сотрудничества на основе взаимовыгодности и партнерства.

В пункте 30. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается, что национальными интересами Российской Федерации на долгосрочную перспективу являются:

- укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации;
- укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
- повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны;
- сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- повышение конкурентоспособности национальной экономики;
- закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Национальной безопасности присущи все признаки системности: целостность, взаимосвязь, взаимодействие структурных компонентов ее составляющих, их координация, субординация и т. д. Понятие «целостность» выражает интегрированность, самодостаточность, автономность объектов, их противопоставленность окружению, связанную с их внутренней активностью. Оно характеризует их качественное своеобразие, обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития.

В зависимости от местонахождения источника опасности национальная безопасность может подразделяться на два типа – внутреннюю и внешнюю. Каждый из видов безопасности является подсистемой, которая, в свою очередь, оказывается системой по отношению к элементам, ее составляющим.

Наряду с представлениями об элементах национальной безопасности, в нее, как систему, входят и представления о структуре безопасности. Структура системы безопасности – это совокупность устойчивых отношений и связей между элементами, обеспечивающими его целостность. Качество системы национальной безопасности определяется, во-первых, ее элементами (подсистемами) и, во-вторых, структурой, т. е. их взаимодействием.

В структуре безопасности один из самых сложных вопросов – соотношение ее компонентов. Все компоненты находятся в органической взаимосвязи. Без взаимодействия нет системы безопасности. Взаимодействие – это категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого.

Взаимосвязи между элементами, уровнями системы, между самими системами, как известно, могут быть различными: постоянными и переменными, необходимыми и случайными, устойчивыми и неустойчивыми, взаимостимулирующими и взаимодействующими.

Взаимодействие – не только совместные и согласованные действия, а вид отношений и связей объектов между собой. Любое взаимодействие состоит из двух компонентов: единства и борьбы взаимодействующих сторон либо их содействия, которое является формой единства, но не сводится полностью к нему.

Единство системы безопасности проявляется в динамической связи, взаимообусловленности ее структурных элементов, в неразрывности составных частей общей безопасности, в невозможности ее достичь посредством усилий в одной только сфере, не принимая во внимание другие составные части. Эта динамическая связь существует между всеми элементами системы безопасности. Вместе с тем в общей системе эти элементы не равноценны. Их место и роль определяются степенью внешних и внутренних угроз.

К структурным компонентам системы обеспечения национальной безопасности относятся:

- субъекты и объекты системы обеспечения национальной безопасности;
- взгляды, цели, принципы, концепции, доктрины безопасности (в каждой из сфер жизнедеятельности общества);
- соответствующие правовые нормы, регулирующие отношения в сфере обеспечения каждого из видов безопасности;
- силы, средства, служащие обеспечению видов безопасности;
- жизненно значимые интересы общества, государства и личности как отражение объективных экзистенциальных потребностей личности, общества и государства;
- информация, дающая представление об опасностях и угрозах экзистенциальным потребностям личности, общества и государства;
- методы и способы, а также деятельность по обеспечению безопасности и ее результаты.

Компоненты системы национальной безопасности отражают основные связи структурных компонентов, возникающие в процессе ее функционирования. Среди них можно выделить следующие:

- организаторский – реализация какого-либо управляющего воздействия на элементы системы с целью придания согласованности действиям;
- коммуникативный – установление целесообразного взаимодействия между структурными компонентами системы в процессе ее функционирования с помощью передачи информации;
- конструктивный – отбор и композиционное построение воздействия на систему на каждом этапе достижения целей, а

также определение особенностей деятельности по обеспечению конкретного вида безопасности в конкретных исторических условиях;

- проектировочный, включающий программирование и прогнозирование деятельности для достижения целей системы;
- гностический – накопление и анализ новых знаний.

Таким образом, под системой обеспечения национальной безопасности мы будем понимать специально созданную в стране совокупность взаимодействующих субъектов, их официальных взглядов, концепций и доктрин, закрепленных соответствующими правовыми нормами, а также сил, средств, способов и направлений, гарантирующих качественную определенность социума, его структур и институтов в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения опасностей и угроз.

В составе системы конкретного вида безопасности взаимодействуют несколько крупных подсистем: институциональная (организационная), регулятивная (нормативная), функциональная, информационно-коммуникативная и культурно-идеологическая. Охарактеризуем некоторые из них.

Институциональная подсистемам – это «каркас», «несущая конструкция» системы безопасности, которой принадлежит ключевая роль в системе безопасности. Именно здесь создается нормативно-правовая база, определяющая условия, возможности и пределы функционирования этой системы, вырабатываются условия, обеспечивающие эффективность функционирования механизма обеспечения безопасности, формы взаимодействия с другими подсистемами национальной безопасности, а также международными системами безопасности. Кроме того, в ней определяются цели и направления функционирования этой системы.

Поскольку национальная безопасность – это системное свойство, то она имеет целый ряд составляющих элементов, сторон, граней, отражающих все многообразие внутренних и внешних, существенных и несущественных, необходимых и случайных связей и отношений.

В соответствии со сферами жизнедеятельности (в горизонтальном срезе) в национальной безопасности можно выделить следующие структурные виды: политический, экономический, экологический, социальный, информационный, духовный, военный и др.

Основанием для конституирования различных видов национальной безопасности является комплекс объективных и субъективных предпосылок, а именно:

- потребность людей, социальных групп, общества, государства, международного сообщества в том или ином виде безопасности для сохранения и развития самих себя, а также жизненно важных социальных и природных ценностей и объектов;
- расширение спектра опасностей и угроз, рисков и вызовов, которым и должна быть противопоставлена та или иная система безопасности;
- осознание уязвимости людей, их жизненно важных интересов без наличия той или иной системы безопасности;
- политико-правовое признание и закрепление того или иного вида безопасности;
- наличие соответствующих концепций, политики, стратегии.

Расширение содержания безопасности – не произвольный акт. Безопасность всегда была, есть и будет многомерным понятием. Однако каждый из элементов ее структуры имеет конкретно-историческое содержание и свою меру. От признания единственного вида безопасности – военного, долгие годы доминировавшего в жизни человечества, практически все государства пришли к пониманию множественности видов безопасности.

1.2 Обеспечение национальной безопасности как процесс: содержание и институты

Исследователи выделяют два типа обеспечения безопасности конкретного объекта (в том числе государства):

- обеспечение безопасности как борьба с конкретными опасностями, следствием чего является поддержание существования объекта;

– утверждение безопасности как развитие и укрепление самого объекта и поддержание его природы.

Иными словами, обеспечение безопасности как отрицание опасностей и как утверждение безопасности объекта не тождественны. Вследствие этого могут реализовываться две стратегии обеспечения безопасности:

– стратегия защиты, при которой основание деятельности составляет обнаружение опасностей и их отрицание, а утверждение объекта в его безопасности является результатом отрицания опасностей;

– стратегия утверждения, укрепления безопасности, которая основывается на самоутверждении природы самого объекта.

Безопасность достигается посредством сознательной и организованной деятельности людей. Собственно деятельность по обеспечению безопасности может состоять из нескольких последовательных этапов: выявление и оценка внешних и внутренних опасностей и угроз объектам безопасности, прогнозирование их пространственно-временной динамики и разработка предложений для принятия решения; предотвращение опасностей; их сдерживание и нейтрализация; пресечение; локализация; отражение; устранение; уничтожение (ликвидация) угроз. Каждый из этих этапов требует обратной связи, анализа эффективности предпринимаемых действий.

Таким образом, сущность обеспечения национальной безопасности заключается в целенаправленной деятельности субъектов по выявлению, предупреждению и противодействию различных опасностей и угроз личности, обществу и государству.

Известную формально-организационную упорядоченность деятельности выражает термин «механизм». Вполне обоснованной видится характеристика механизма как совокупности составляющих его элементов, находящихся в состоянии динамического взаимодействия, которое осуществляется в определенных формах и позволяет эту совокупность элементов выделить в относительно самостоятельную систему.

Под механизмом обеспечения национальной безопасности следует понимать объективно обусловленную и субъективно реализуемую совокупность властных, управленческих и координа-

ционных условий, а также используемых мер, способов действий по определению и организации (привлечению) необходимых и достаточных материальных, духовных и людских сил и средств, интеграции различных сфер общества для предупреждения и уничтожения внешних и внутренних угроз существованию личности, обществу и государству.

В самом общем виде алгоритм механизма обеспечения национальной безопасности выглядит так: институциональные субъекты системы безопасности, основываясь на национальных интересах, определяют цели этого механизма, необходимые пути, силы, средства, формы и способы деятельности функциональных субъектов, организуют их взаимодействие, контроль, коррекцию.

Функциональные субъекты, руководствуясь определенными принципами, исходя из конкретной обстановки меняющихся сил и средств, применяют к возникающим опасностям и угрозам те или иные формы и способы деятельности.

Таким образом, в содержании механизма обеспечения национальной безопасности можно выделить четыре группы взаимосвязанных и взаимозависимых элементов: детерминационное основание: причины, цели, движущие силы; основные силы и средства деятельности; процесс деятельности по обеспечению безопасности – пути, формы и способы; результат.

Все эти элементы в реальном механизме переплетены. Деятельность по обеспечению национальной безопасности в Российской Федерации осуществляется в соответствии с определенными принципами. К ним следует отнести:

- соблюдение конституции и законодательства РФ при осуществлении деятельности по обеспечению безопасности;
- единство, взаимосвязь и сбалансированность всех видов безопасности, изменение их приоритетности в зависимости от ситуации;
- приоритетность политических, экономических, информационных мер обеспечения безопасности;
- реальность выдвигаемых задач (с учетом имеющихся сил и средств), сочетание централизованного и децентрализованного управления силами и средствами обеспечения безопасности.

Все эти положения применимы к анализу особенностей обеспечения безопасности в любой из сфер жизнедеятельности общества.

Система национальной безопасности функционирует в различных режимах: мирного времени, повышенной готовности, чрезвычайного положения, военного положения. Эти режимы могут вводиться в общегосударственном, региональном или отраслевом масштабе. Изменение режима осуществляется по указу Президента РФ и утверждается Федеральным Собранием РФ.

Функционирование системы национальной безопасности в режиме мирного времени – это отсутствие угроз национальным интересам Российской Федерации или их практическая нейтрализация.

В этом режиме субъекты национальной безопасности проводят:

- работу по прогнозированию, выявлению, оценке опасностей, предотвращению превращения их в угрозу и нейтрализации всех видов угроз национальным интересам Российской Федерации;

- разработку, утверждение и корректировку планов и программ обеспечения национальной безопасности, вводимых в действие в установленном законом порядке в случае возникновения угроз национальным интересам;

- работу по подбору, обучению и совершенствованию кадров в различных сферах национальной безопасности.

Функционирование системы национальной безопасности в режиме повышенной готовности – это ее деятельность при эскалации угроз национальным интересам. При таком режиме субъектами системы национальной безопасности предпринимаются дополнительные усилия для пресечения опасностей, минимизации последствий их эскалации, по подготовке сил и средств для возможного противодействия.

Наличие угроз национальным интересам свидетельствует о функционировании системы национальной безопасности в режиме чрезвычайного положения. В таких случаях для противодействия угрозам, их локализации и устранения вводится чрезвычайное положение (в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 № 3-ФК «О чрезвычайном положе-

нии»). Происходит мобилизация сил и средств для противодействия угрозам.

Разновидностью чрезвычайного положения является военное положение. Речь идет о появлении военных угроз, требующих применения военной силы для их отражения и уничтожения. В таком режиме функционирования система национальной безопасности становится системой обеспечения военной безопасности.

Следует отметить закономерность обеспечения национальной безопасности: скорость реакции субъектов системы безопасности на опасности (угрозы) должна превосходить скорость их формирования и вызревания, а сама деятельность этих субъектов должна быть направлена не просто на пресечение, локализацию, устранение и уничтожение опасностей и угроз, а прежде всего, на предотвращение и нейтрализацию генерирующих их причин.

Итак, национальная безопасность – это система, обладающая сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное значение и выполняет специфические функции по удовлетворению соответствующих потребностей системы. Нормативный характер взаимоотношений внутри этой системы определяется изначально поставленными задачами, которые она призвана решать (объективная составляющая), а также задачами, которые навязываются извне (субъективная составляющая). Национальная безопасность – это целостный, сложный механизм, находящийся в непрерывном взаимодействии с другими подсистемами. Системность национальной безопасности проявляется не только во взаимоотношениях между ее элементами, но и во взаимодействиях системы с внешней средой.

Следует различать систему национальной безопасности и систему обеспечения национальной безопасности. Первая – это функциональная система, отражающая процессы взаимодействия интересов и угроз, а вторая – это организационная система органов, сил, средств, различных организаций, призванных решать задачи по обеспечению национальной безопасности.

Важным условием обеспечения целостности и эффективности системы обеспечения национальной безопасности является правильное определение и учет организационных принципов ее построения и функционирования. К их числу можно отнести:

- принцип достаточности, ориентирующий на адекватность системы предполагаемым (возможным) опасностям и угрозам;
- принцип оптимальности, выражающий соответствие задач системы безопасности и затрат на нее реальным возможностям государства и общества;
- принцип корреляции, обеспечивающий обратную связь и возможность эффективного воздействия субъектов управления на все уровни и элементы системы безопасности с целью изменения их в соответствии с возникающими угрозами и меняющимися задачами;
- принцип согласованности действий всех субъектов и сил безопасности в сочетании с принципом ответственности за принимаемые решения, процесс их реализации и др.

Особого внимания заслуживает проблема взаимодействия государственной и общественной системы социальной защиты людей. Эти системы могут усиливать друг друга, вести между собой борьбу, вступать в конфликт. Без сильной общественной системы безопасности государство не может быть стабильным, демократическим. Отсутствие общественного контроля над государственной системой безопасности может повлечь колоссальный ущерб для народа и страны. Государство должно заботиться о развитии общественной системы. Только правильное взаимодействие государственного и общественного механизмов может предотвратить изменения социальной системы, противоречащие выбору народа.

Как показывает мировой опыт, ставка на силовые методы противодействия опасностям чаще всего отсрочивает, создает видимость наведения порядка и законности, тем самым лишь загоняет вглубь существующие противоречия и усиливает взрывной потенциал. Абсолютизация силовых средств в обеспечении безопасности может трансформировать государство, намеревающееся быть демократическим, в полицейское.

Демократическая власть, хотя и имеет устойчивую тенденцию к уменьшению масштабов и жестокости насилия, не может обходиться без него. Есть и долго будут сохраняться угрозы и опасности, которые невозможно обузывать и устранять без насилия: действия агрессивных, экстремистских, анархических

сил, преступность и т. п. Демократическая власть может применять насилие для принуждения к миру (прекращения и предотвращения военных конфликтов); защиты жизни, прав и свобод граждан; восстановления законности и порядка; охранения самой себя от насильственного свержения. Такое насилие осуществляется в соответствии с конституцией, другими законами государства, а также международным правом, нормами и принципами общечеловеческой морали. Бывает, что для обеспечения законности и порядка в обществе, кроме правоохранительных сил (полиции, внутренних войск и т. п.), приходится использовать армию. Ни одно, даже самое демократическое государство, не может заявлять, что ему никогда не потребуется сила для поддержания законного порядка. Поэтому армии демократических стран, предназначенные для защиты от агрессий извне, рассматриваются и как «страховой полис» на случай непредвиденных обстоятельств во внутренней жизни.

В демократическом обществе принципиальными особенностями применения насилия является то, что оно осуществляется на строго правовой основе, в соответствии с установленными процедурами принятия решений, ориентацией на менее жесткие и гуманные формы применения силы. Неотъемлемой стороной подобных действий власти является всесторонний анализ и оценка действий как государственными органами, так и общественностью.

Для России национальная безопасность является решающим фактором возрождения страны. Разумеется, это не умаляет других видов жизнедеятельности, которые находятся в неразрывном единстве. Социально-политическая слагаемая существенно определяет сам дух, ориентиры, все содержание общей концепции национальной безопасности. А критерии оценки состояния системы обеспечения безопасности определены в п. 115 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где определено следующее: «Основными показателями, необходимыми для оценки состояния национальной безопасности, являются:

удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств;

доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах;
ожидаемая продолжительность жизни;
валовой внутренний продукт на душу населения;
децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения);
уровень инфляции;
уровень безработицы;
доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования;
доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру;
доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам».

Вопросы и задания

1. Сделайте краткий обзор существующих точек зрения ученых и специалистов о сути понятия безопасности.
2. Что означает безопасность как потребность и интерес, как ощущение и ценность, социальное отношение, результат и процесс, как социальная функция государства?
3. Какова социальная роль безопасности?
4. Какова трактовка безопасности, ее принципов в Законе РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности»?
5. Укажите основные правовые документы, регулирующие вопросы обеспечения безопасности.
6. Что такое угроза безопасности и какие виды угроз указываются в научной, политической литературе, нормативных правовых источниках?
7. Раскройте основные подсистемы в системе национальной безопасности и их содержание.
8. Каково соотношение понятий «безопасность» и «национальная безопасность»?
9. В чем состоит актуальность проблем национальной безопасности для современной России?

10. Укажите основные субъекты и объекты национальной безопасности? Каково определение национальной безопасности в широком и узком смысле?

11. Какова взаимосвязь национальной безопасности и жизненно важных интересов личности, общества и государства? Какие интересы относятся к жизненно важным и почему?

12. Покажите в виде схемы основные виды национальной безопасности.

13. Разъясните содержание термина «национальная безопасность» применительно к современному Российскому государству, состоящему из многих этносов и приверженцев разных религиозных конфессий.

Литература

Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. Там же.

Андреев М.В. Основы теории национальной безопасности: учеб. Казань: Центр инновационных технологий, 2012.

Викторов А.Ш. Введение в социологию безопасности: курс лекций. М., 2008.

Глава 2 Духовная безопасность современной России

2.1 Духовность, сознание, культура: соотношение смыслов

Духовная безопасность занимает особое место в целостной системе национальной безопасности современной России, выступая при этом не только в качестве самостоятельного компонента такой системы, но и включая в себя духовные компоненты других областей национальной безопасности: политической, экономической, социальной, военной и др.

Большинство исследователей духовной безопасности указывают на ее *особое место* в числе других составляющих национальной безопасности. В.В. Сергеев подчеркивает, что «сохранение и обеспечение безопасности духовной культуры – необходимое условие, позволяющее России и россиянам отстоять основополагающие принципы, нормы, традиции, уклад, национальное самосознание и культурную самобытность, культурную самоидентификацию, складывавшиеся на всем долгом пути исторического развития»¹.

По мнению К.К. Колина, «духовная культура современного общества находится в состоянии глубокого кризиса, и именно этот кризис является главной причиной основных глобальных проблем современности, дальнейшее развитие которых представляет собой реальную угрозу для дальнейшего существования и развития цивилизации»². Некоторые авторы используют категорию «безопасность духовной культуры российского общества», содержание которой в существенной своей части совпадает с содержанием категории «духовная безопасность»³.

¹ Сергеев В.В. О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 44.

² Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. 2010. № 1 (21). С. 27.

³ См., например: Душина Т.В., Бокачев И.А. Актуализация безопасности духовной культуры российского общества // Власть. 2011. № 1. С. 92–96; Сергеев В.В. Указ. соч. С. 41–52.

Многоаспектность самого феномена духовной безопасности порождает целый комплекс исследовательских задач, в числе которых:

- выявление места духовной безопасности в общей системе безопасности современной России;
- анализ ее сущности, содержания, структуры, основных функций и движущих сил;
- исследование первоочередных угроз, ослабляющих состояние духовной безопасности;
- исследование и обоснование первоочередных мер по укреплению духовной безопасности;
- экспликация соответствующих универсалий, т. е. прояснение смысла тех наиболее общенаучных категорий, с помощью которых вербализируются проблемы духовной безопасности.

Если духовная безопасность существует, то речь может идти либо о состоянии духовности в условиях *отсутствия* опасности, либо об *эффективном противодействии* существующим угрозам, итогом которого и выступает отсутствие опасности. В целом такое положение дел соответствует и иным сферам безопасности, к примеру безопасности социальной: социальная безопасность наличествует либо тогда, когда отсутствуют соответствующие угрозы, либо тогда, когда этим угрозам эффективно противодействуют.

В условиях современной России процесс *обеспечения* духовной безопасности совпадает с процессом *возрождения, укрепления и развития* российской духовности. Такого рода задача возникает не впервые в современной истории. Наиболее показательными являются в этом смысле примеры США и Франции.

В годы Великой депрессии снижение материального производства на одну треть, а также свалившиеся на страну нищета и страх перед будущим повергли американскую нацию в глубочайшую депрессию. Президенту Рузвельту удалось реализовать крупномасштабную программу общественных работ, позволившую трудоустроить миллионы безработных. Он впервые в капиталистическом мире стал реализовывать социальные программы, которые легли в основу «общества социального благоденствия». Однако Рузвельт ничего бы не добился, если бы не сумел поднять дух нации, апеллируя к национальной идее.

Прагматизм американцев породил такой тип национальной идеи, как «американская мечта»: ее стержнем стала идея о достижении материального благополучия «в этой жизни», а не в отдаленном «светлом будущем». Знаменитый американский патриотизм базируется на сохраняющейся до сих пор убежденности американцев в том, что Америка всегда права. Рузвельт сумел вернуть американцам веру в реальность осуществления «американской мечты».

Франция времен президентства Шарля де Голля переживала политический кризис, порожденный затянувшейся колониальной войной в Алжире. Демократические институты оказались под серьезной угрозой, французы были глубоко недовольны засильем американского влияния в стране. Де Голлю удалось установить авторитарный режим президентской республики, дать мощный импульс экономическому и научно-техническому прогрессу, укрепить влияние Франции на международной арене в огромной мере благодаря новой *национальной идее*.

Де Голль предложил французам борьбу за укрепление государственности, за восстановление величия Франции, за ее независимость на международной арене, за сохранение чистоты родного языка, за развитие национальной культуры и т. д. Это практически те же ценности, которые дороги и основной массе россиян: патриотизм, государственность, любовь к родной земле, бережное отношение к национальной культуре, истории и т. д.

По поводу термина «духовность» не существует единой точки зрения. Так, в ряде философских словарей, изданных в 1990-х прошлого столетия (т. е. в период наибольшего идейно-духовного хаоса в России), понятие «духовность» отсутствует вообще¹. В последнем из отмеченных словарей есть, правда, понятия «дух и душа», трактуемые лишь как «религиозно-философские понятия». Многие авторы, стремясь определить это понятие, часто трактуют его односторонне: либо как интеллектуальность, уровень образования, объем знаний человека, либо как погру-

¹ См., например: Всемирная энциклопедия. Философия / гл. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: Аст; Минск: Харвест, 2001; Современная философия: словарь и хрестоматия / отв. ред. В.П. Кохановский. Ростов н/Д: Феникс, 1996; Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М.; Бишкек; Екатеринбург: Одиссей, 1996.

женность человека в свой собственный мир, отрешенность его от активной деятельности, либо, наконец, как профессиональную деятельность, связанную с творчеством¹.

Понятие духовности тесно связано с терминами «дух», «сознание». *Сознание* характеризует способность обладающего им человека духовно осваивать окружающий мир, противостоять окружающей среде, приспосабливать эту среду к своим потребностям, «выходить» за рамки сиюминутной, повседневной ситуации, прогнозировать предстоящие социальные ситуации.

Что же касается понятия духа, то, к примеру, Г.В.Ф. Гегель его связывает с выходом за рамки жизни отдельного индивида, ограниченной пространственными и временными пределами: субъективный дух, или индивидуальная душа, в ходе своего развития осознает себя как разумный дух, обладающий свободной волей. Разумная воля – субъективно свободная, но ограниченная другими духовными и телесными личностями, – переходит к свободной деятельности, создающей право, мораль, нравственность и государство².

В.И. Даль определяет содержание слова «духовный» в двойственном смысле: как «все, относящееся к Богу, Церкви, вере, но и все, относящееся к душе человека, его умственным и нравственным силам»³.

Сходное понимание духовности достаточно широко распространено и в современных публикациях. Так, С.Н. Борисов и А.М. Дмитраков пишут: «Духовность, понимаемая как снятие противоречий сакрального и мирского в постсекулярном мире, некий медиум между человеком и трансцендентным, совокупность практик коммуникации со сверхъестественным, может служить недостающим посредником между субъектом и угрожающим “неожиданным Другим”»⁴.

¹ См.: Шулындин Б.П. Исторический путь России в аспекте цивилизационного и формационного подходов // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 3–19.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. С. 217.

³ Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: ЭКСМО, 2002. С. 112.

⁴ Борисов С.Н., Дмитраков А.М. Духовная безопасность и проблемы безопасности в современном мире. Статья 2 // Наука. Искусство. Культура. 2018. Вып. 3 (19). С. 48.

Таким образом, духовность представляет собой способность индивида в своей деятельности выходить *за рамки собственной жизни*, собственного индивидуального существования. По сути дела, духовность – онтологическое свойство социального человека, это его позитивное идеальное начало, вырастающее из понимания свободы как личной ответственности человека за его собственные деяния. Критерий духовности – способность человека в сложной жизненной ситуации делать выбор в пользу созидания, а не разрушения, способность осмысливать не столько *собственное бытие* индивида, сколько его *место в системе* социума. В зависимости от ее социальной направленности духовность может быть либо истинной, плодотворной, созидательной, либо ложной, фальшивой, разрушительной¹. Именно созидательная духовность выступает фактором укрепления безопасности общества и государства.

Духовность – явление *историческое*, поэтому, к примеру, духовность традиционного, доиндустриального общества в значительной мере отличается от духовности постиндустриального (информационного) общества. Так, конкретный тип духовности сыграл для России важнейшую роль в появлении особой социальной страты – интеллигенции. Интеллигенция как носительница духовности российского доиндустриального общества XIX столетия сформировалась сугубо на идеологической почве, а именно:

- для обличения существующего порядка вещей;
- для защиты жертв насилия со стороны имущих и власть имущих;
- для распространения идей борьбы с самодержавием.

В духовности такого типа содержится немало *привлекательных* черт: стремление служить народу, бескорыстие, неприязнь к стяжательству, равнодушие к богатству, приоритет духовных начал.

Однако эта духовность была изначально нацелена на борьбу с властью и государством, была радикальной, не признавала никаких компромиссных решений. На базе такой духовности невозможно построить ни правовое, ни социальное государство, ни демократическое общество, «ибо современное демократическое

¹ Кива А.В. Духовность и преодоление кризиса // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 25.

общество неотделимо от компромисса, консенсуса, плюрализма мнений и форм жизни. За прошедшие годы, – отмечает И.В. Кива, – жизнь неузнаваемо изменилась, а многие свои прежние постулаты, иллюзии и заблуждения, рожденные канувшей в небытие эпохой, русская интеллигенция как определенная общность по-прежнему несет с собой»¹.

В самом деле, человек, считающий себя демократом, не может отчуждать себя ни от власти, ни от государства как таковых, ибо демократия – это и есть власть: власть народа, реализующаяся посредством представительных органов. В современной России немало людей, в частности так называемая несистемная оппозиция, занимают позицию неприязни к власти и государству, но такая позиция не позволительна для *гражданина* своей страны: можно требовать улучшения деятельности власти и государства, но нельзя отрицать необходимость власти и государства. Человек и выступает в качестве гражданина, рассматривается как гражданин лишь в его отношении к государству: гражданина вообще не существует, человек может выступать в качестве гражданина конкретного государства (значительно реже – двух или нескольких государств).

Духовность – сложное явление, имеющее идеально-материальную выраженность. *Идеальная* природа духовности несомненна, поскольку она характеризует состояние духа как отдельной личности, так и социальной группы, духа народа или нации в целом. Однако обмен информацией между индивидами, между индивидами и обществом возможен лишь с помощью текстов, как любой значимой совокупности знаков. Поскольку знак имеет материальную природу, то очевиден *материальный* аспект духовности: она формируется и поддерживается совокупностью специфических информационно-обменных процессов. Стало быть, опасность для духовности может проистекать не только со стороны ее идеального содержания (например, подмена конкретных духовных ценностей), но и со стороны материальных носителей информации об этих ценностях (например, создание помех техническим средствам телерадиовещания либо каналам связи Всемирной паутины Интернет).

¹ Кива А.В. Указ. соч. С. 26.

2.2 Структурные компоненты системы духовной безопасности

Несмотря на значительный круг работ, посвященных проблемам *духовной безопасности*, это понятие еще находится в процессе формирования и концептуализации. Так, по мнению Л.Х. Газгиреевой и Л.А. Бурняшевой, духовная безопасность «представляет собой такое состояние социокультурной среды, при котором объединяются общественное сознание, духовные ценности, культура и обеспечиваются условия для духовного совершенствования и прогресса личности, общества и государства на основе национальной самобытности и сохранения духовной общности народа»¹. Авторы акцентируют внимание на конкретном состоянии социокультурной среды, но в явном виде не выделяются ни риски, ни опасности. Большинство же авторов выделяют опасности и риски как необходимый компонент понимания духовной безопасности.

Так, В.И. Кушлин считает, что этот термин «отражает не только специфические признаки феномена национальной безопасности в конкретной, специфической сфере деятельности, но и включает в себя то общее, типическое, устойчивое, что характерно для всех областей жизнедеятельности человека и общества. Это общее состоит в том, что духовная безопасность как условие и стратегия защиты от опасности нацелена, в конечном счете, на выживание социальной системы, личности, общества и государства»².

Методологически значима позиция Д.В. Зеркалова, предлагающего три основных подхода к определению понятия «духовная безопасность» – традиционный, социологический и политологический³. В рамках традиционного подхода он понимает духовную безопасность России как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внешних и внутренних угроз.

¹ Газгиреева Л.Х., Бурняшева Л.А. Экзистенциальные основы духовной безопасности российского общества // Власть. 2011. № 2. С. 13.

² Фоломьев А.Н., Кушлин В.И., Колосов А.В. Экономическая безопасность хозяйственных систем. М.: РАГС, 2001. С. 19.

³ Зеркалов Д.В. Основа духовной безопасности: хрестоматия. Киев: Науковий світ, 2008. С. 57.

А.В. Тонконогов связывает духовную безопасность с понятием духовной сферы и определяет ее как «систему обеспечения национальной безопасности духовной сферы современного российского общества»¹.

Некоторые авторы растворяют понятие духовной безопасности в термине «информационная безопасность». Так, В.И. Добреньков и П.В. Агапов, рассматривая в качестве угроз «культурный упадок, разрушение базовых ценностей и веками проверенных поведенческих «матриц», разрушение русского языка как основы культуры и единства нации», фактически ведут речь о проблемах не столько информационной, сколько духовной безопасности².

В исследовании проблем духовной безопасности выделяют два основных подхода: традиционный и социологический³. В рамках *традиционного подхода* под духовной безопасностью России понимается *состояние защищенности* жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внешних и внутренних угроз. В другом варианте традиционного понимания делается акцент на *способностях к защите*, сохранению и укреплению нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны.

Социологический подход к духовной безопасности состоит в определении ее *конкретного места* в системе национальной безопасности и обществе в целом, а также в анализе вполне определенных *специфических функций*, выполняемых ею в общественной жизни.

В традиционном подходе акцентируется внимание на *защите от определенных рисков, вызовов и угроз*, иными словами, безопасность рассматривается как защита «от».

В социологическом подходе внимание уделяется определенному *внутреннему состоянию* системы безопасности, определяемому взаимодействием ее элементов (субъектов), которое должно обеспечить нормальное функционирование этой системы, а также

¹ Тонконогов А.В. Духовная безопасность современного российского общества. М.: Изд-во РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. С. 38.

² Добреньков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. М.: Акад. проект, 2011. С. 117.

³ Возьмитель А.А. Духовная безопасность: актуальные теоретико-методологические и практические вопросы // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 229–251.

функционирование и развитие общества в целом вне зависимости от наличия тех или иных угроз. Иными словами, при таком подходе выявляется система безопасности «для».

В дальнейшем изложении темы предпримем попытку синтеза обоих подходов. Отметим при этом, что *политологический подход* к духовной безопасности связан с выявлением собственно политических факторов духовной безопасности. Их обобщение формирует междисциплинарный подход к содержанию духовной безопасности. В рамках этого подхода осмысление феномена духовной безопасности реализуется через призму существующих угроз.

Убедительная попытка представления основных блоков и элементов системы духовной безопасности предпринята А.А. Возьмителем¹. В дополненном и переработанном виде она проясняет структуру, процесс, содержание и факторы духовной безопасности, демонстрируя взаимосвязь и взаимовлияние ее основных элементов.

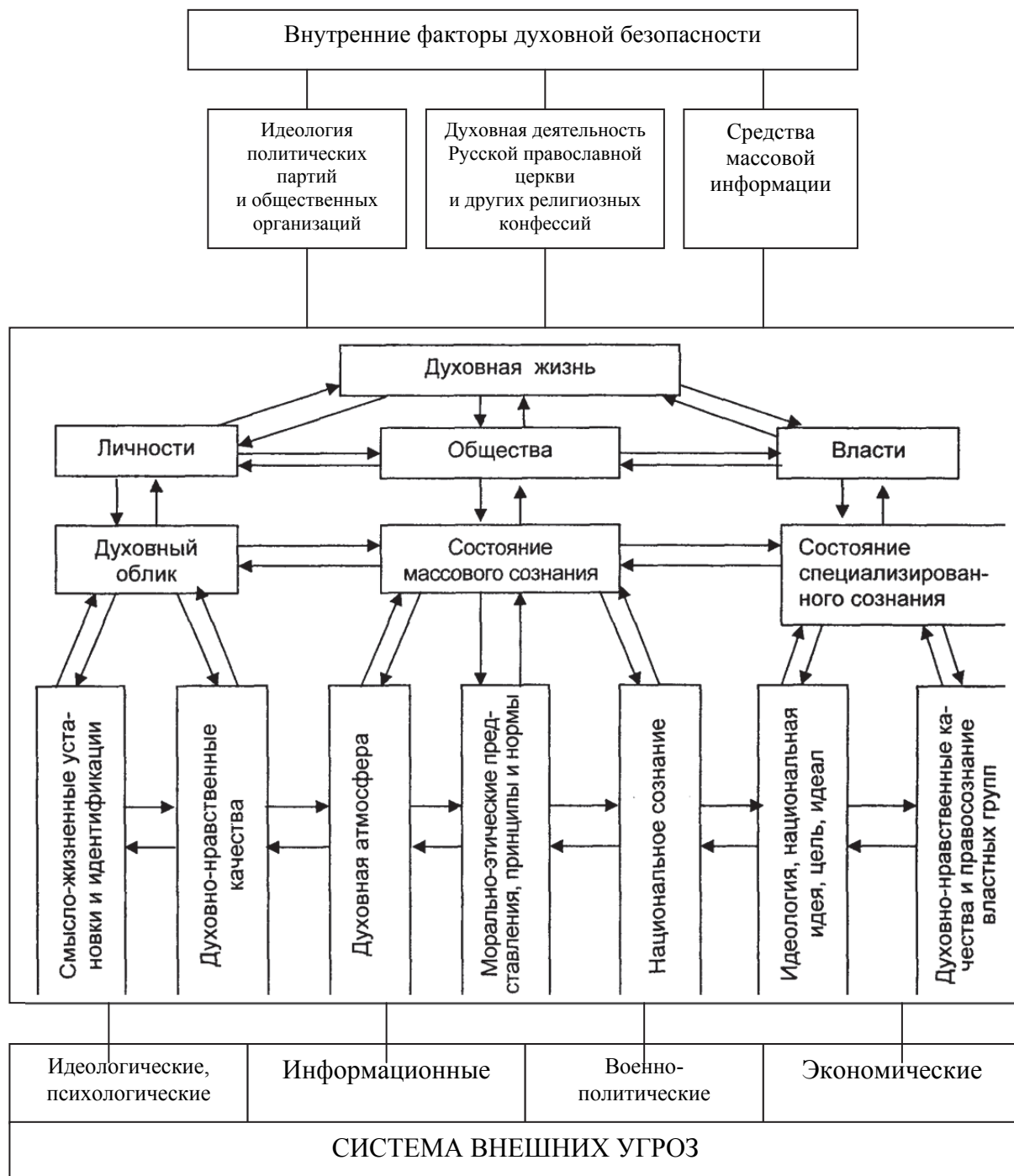
Объектом обеспечения духовной безопасности выступает *духовная жизнь* личности, общества и власти, представляющая собой их реально функционирующее практическое сознание, рассматриваемое в связи с деятельностью по производству, распространению и потреблению духовно-нравственных ценностей².

Применительно к проблемам обеспечения духовной безопасности недостаточно в качестве *субъектов* духовной жизни определять только личность и общество. Особое место в системе таких субъектов занимают консолидированные профессиональные группы, совокупность которых может быть обозначена как *власть*. При этом само понятие «власть» понимается широко: не только власть политическая, но и в существенной мере власть экономическая. При таком подходе важным компонентом системы духовной безопасности выступает сознание не только политической, но и экономической элиты общества.

¹ Возьмитель А.А. Указ. соч. С. 229–251.

² А.А. Возьмитель в упомянутой статье выделяет объект и предмет национальной безопасности. На наш взгляд, разделение объекта и предмета целесообразно проводить применительно к *познавательному* процессу. Что же касается *практической* деятельности, то она направлена на преобразование (или обеспечение стабильности) конкретного компонента социума (личность, группа, отношения, организация, ценность и др.); такой компонент и выступает в качестве *объекта* деятельности.

Итогом многообразной деятельности указанных субъектов выступают духовно-нравственный облик личности, определенные состояния массового и специализированного сознания, представляющие собой основные элементы системы духовной безопасности. Дадим краткую характеристику этих компонентов (см. рисунок).

Основные компоненты системы духовной безопасности и их взаимодействие

1. *Духовный облик личности.* Этот компонент системы духовной безопасности включает в себя смысложизненные установки личности, определяющие мотивацию жизнедеятельности, а также ее базовые духовно-нравственные качества, благодаря которым в значительной мере как раз и формируются смысложизненные установки.

Следует согласиться с мнением А.В. Коршунова о том, что в центре теории духовной безопасности общества находятся проблемы обеспечения защищенности духовной сферы человека, а «для этого должна существовать определенная гармония между внешним и внутренним миром, в котором он находится, должно быть соответствие жизненно важных потребностей возможностям личности»¹.

2. *Массовое сознание* занимает особое место в структуре духовной безопасности и представляет собой реально функционирующее сознание широких масс народа, нации, в котором специфически сочетаются научные, мифологизированные и обыденные представления, экономические, социальные, политические, духовно-нравственные, правовые и другие подобные установки, стереотипы, разделяемые массами людей.

Для компонентов массового сознания характерно особое качество: массовость распространения и использования этих компонентов в процессах межличностного, межкультурного информационного обмена.

Состояние массового сознания можно охарактеризовать с помощью ряда показателей.

Во-первых, это *духовная атмосфера* общества как совокупность актуальных духовно-нравственных оценок, отношений и установок, характеризующих: уровень сплоченности общества, его религиозности (или атеистичности); состояние социального оптимизма или социального пессимизма; отношение к злободневным социально-экономическим и политическим проблемам, затрагивающим жизненно важные интересы людей. Подчеркнем, что духовная атмосфера – это наиболее *подвижный* компонент

¹ Коршунов А.В. Духовная безопасность российского общества: основные угрозы и стратегии их преодоления // Власть. 2012. № 6. С. 42.

массового сознания, наиболее гибко откликающийся на актуальные политические, экономические, социальные события в жизни общества. Это всегда – актуальное состояние сознания. В качестве примера можно привести быстрое изменение духовной атмосферы в российском обществе сразу после возвращения Крыма в состав России в 2014 г., когда наблюдался всплеск оптимистического духовного настроения, порожденного осознанием единства народов России.

Оптимистическая духовная атмосфера укрепляет духовную безопасность общества, пессимистическая – снижает ее уровень, поскольку общественное сознание становится более открытым для воздействия духовных угроз.

Во-вторых, это распространенность в обществе определенных реально функционирующих *нравственных представлений, принципов и норм* (гражданственности, патриотизма, эгоизма, коллективизма, индивидуализма и т. п.); наличие общепринятой (или, по крайней мере, широко распространенной) системы представлений о добре и зле, о нравственном и безнравственном, о норме и отклонении от нее. Именно нравственность отличает человека от всякого другого творения природы. Отсюда ее приоритетное значение для сохранения человеческого в человеке, для нормального функционирования общества и государства. Именно конкретные представления о природе добра и зла, о принятом и недопустимом в системе человеческих отношений, представления об иерархии социальных ценностей отличают одну культуру от другой.

Так, представитель восточной цивилизации с трудом воспринимает идеи о первоочередной ценности прав человека (тесно связанных с идеей свободы), поскольку для восточной культуры высшее место в иерархии ценностей (берущей начало еще от Конфуция) занимает долг; поэтому и для человека Востока естественным является состояние долженствования, а не свободы. Россия занимает особое место между культурами Запада и Востока, православие усвоило, прежде всего, византийские ценности. Очевидно, это одна из существенных духовных причин того, что в российском менталитете права человека с трудом пробивают себе место на высших ступенях социальных ценностей.

В-третьих, *состояние национального сознания*: уровень и характер этнонационального единства, этноцивилизационная идентичность, этнический и общенациональный патриотизм и т. п. Мы можем идти вперед только в качестве единого суверенного государства, с единой нацией, когда не только и не столько этническая, сколько культурно-цивилизационная принадлежность становится важной для человека. Именно такая модель принята практически во всех развитых странах. Отсюда важность формирования соответствующих этнокультурных установок.

Вместе с тем надо видеть диалектику специфической и общечеловеческой функций национальной культуры, национального сознания. Специфическая функция национальной культуры содействует сохранению целостности конкретного народа и передаче его черт последующим поколениям. Именно поэтому следует активно ориентировать национальное сознание на духовные ценности современного общества, активно интегрируя их в систему традиционных ценностей.

Исследования показывают, что в числе характерных для традиционной культуры России духовных ценностей наиболее значимыми и приоритетными являются следующие:

1) мировоззренческие ценности, наиболее важные среди которых – представления о цели и смысле жизни, религиозная вера, совесть и достоинство;

2) общественные ценности, среди которых главными в России всегда считались патриотизм и гражданская ответственность за судьбу страны, служение Родине, чувство долга и общественное признание;

3) жизненные ценности, среди которых приоритетными являются отношения к родителям и детям, своей семье;

4) ценности межличностного общения, такие как любовь, дружба, честность, порядочность, гостеприимство.

Что же касается других видов ценностей (демократических, корпоративных, прагматических и эстетических), то они в традиционной российской культуре всегда выступали на втором плане. Обусловлено это, главным образом, ценностными ориентирами православия, которое всегда играло и продолжает играть сегодня

исключительно важную роль в российской культуре, так как является ее духовной первоосновой¹.

В-четвертых, *развитие массового правосознания*. Роль этого компонента в структуре массового сознания современного общества постоянно повышается. Структура массового правосознания в условиях глобализации правовой культуры заметным образом усложняется, в частности возрастает его роль как фактора активной жизненной позиции личности в отстаивании своих прав и свобод.

3. *Специализированное (в значительной мере – профессиональное) сознание власти* характеризуют два важнейших показателя:

– *теоретическое* (теоретико-политическое, теоретико-правовое, теоретико-экономическое и др.) сознание групп, занятых разработкой идеологии, национальной идеи, целей, идеала;

– *практическое* нравственно-правовое сознание представителей властных структур (администраций разного уровня, законодателей, сотрудников силовых органов, авторитетных представителей бизнеса и др.), которое способствует или, напротив, препятствует ответственному выполнению ими своего служебного долга.

В рамках специализированного сознания власти может быть проведено горизонтальное членение на два уровня:

– наличие (либо отсутствие) в обществе и государстве *идеологии, национальной идеи, цели, идеала*, отвечающих жизненно важным интересам и потребностям подавляющего большинства населения и разделяемых этим большинством;

– *духовно-нравственные качества и правосознание властных групп*, рассматриваемые с точки зрения осуществления этими группами своих специфических властных полномочий и функций.

Что касается идеологических концепций, на которые опирается современное сознание российской власти, то спектр таких концепций может быть помещен между двумя полюсами, в качестве которых выступают идеи либералов-пессимистов, которые исходят из критической (пессимистической) оценки сущности российской цивилизации и культуры, и взгляды консерваторов-

¹ Колин К.К. Указ. соч. С. 33.

оптимистов, для которых характерно осознание превосходства духовной российской цивилизации над материальной западной и которые считают, что именно ее ценности окажутся спасительными для человечества, что именно ей принадлежит будущее.

Очевидно, что первая идеологическая концепция обрекает Россию на утрату национально-культурного своеобразия и исходит из невозможности прогрессивного развития страны без ее полного растворения в процессах глобализации по западному образцу, вторая же концепция своим следствием может иметь неизбежную национально-культурную консервацию России и ее изоляцию от магистральных направлений мирового культурного развития. И та, и другая концепции объективно могут быть рассмотрены как ослабляющие позиции духовной безопасности России. Подлинным интересам духовной безопасности отвечает позиция активного реагирования на глобальные духовные вызовы современности с сохранением национального своеобразия российской духовной культуры.

Таким образом, отсутствие общенациональной идеологии чревато серьезными последствиями для функционирования общества, в том числе и в духовной сфере. Этот тезис подтверждается не только отечественными исследователями, но и зарубежными политологами. В частности, Арно де Боршграв замечает: «Нарождающаяся демократия, которую ряд экспертов усматривал в 1990-е годы, была абсолютной катастрофой. Сегодня Россия пользуется уважением. Когда в 2000 году к власти пришел Путин, политическое устройство коренным образом изменилось: хаос сменился авторитаризмом. Это не была ни диктатура, ни демократия, однако такое положение дел было с радостью принято в стране, которая за последнюю тысячу лет знала лишь авторитаризм...»¹.

Изменение навязанной насильно ценностной ориентации — вполне естественный процесс для любого возрождающегося общества.

¹ Borchgrave A. Back to the future? // The Washington Times. 2007. Jan. 17 (Цит. по: Беспаленко П.Н. Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии // Научные ведомости БелГУ. 2009. № 7. С. 215).

П.Н. Беспаленко указывает на многие причины, мешающие выработке идеологии:

- непонимание или имеющее какие-то причины нежелание руководства страны установить высший приоритет своей работы именно в идеологической сфере;

- большое количество «гуляющих» в СМИ теорий и схем переустройства общества, многие из которых являются сознательно вброшенными нашими геополитическими противниками в ходе информационной войны, которую они продолжают вести с нами;

- неоднородный характер приближенных к высшим лицам государства экспертных групп, формирующих «научно обоснованные» противоречивые мнения для элиты¹.

4. *Внешние угрозы* духовной безопасности в известной мере уже охарактеризованы в предыдущем изложении. На вышеприведенном рисунке выделены направления угроз, влияющие на духовную безопасность *непосредственно*: информационные, духовные, идеологические. Наиболее острой формой проявления этих угроз являются психологические, идеологические, информационные войны.

Субъекты внешних угроз духовной безопасности разнообразны: это идеологическая деятельность государственных органов, транснациональных корпораций; национальные и международные информационные синдикаты, контролирующие деятельность средств массовой информации; специализированные сайты интернета, в том числе сайты международных террористических организаций; организации, осуществляющие международный культурный и информационный обмен, и др.

На схеме выделены также угрозы, реализующие негативное влияние на духовную безопасность *опосредованно*, через идеологическую и психологическую составляющую. Так, система военно-политических угроз включает в себя совокупность военных доктрин, концептуальное обоснование конкретных актов военной агрессии; система экономических угроз в качестве своего обоснования может иметь теоретическую концепцию экономической экспансии и т. д.

¹ Беспаленко П.Н. Указ. соч. С. 216.

5. *Внутренние факторы* духовной безопасности в одних случаях могут содействовать ее укреплению, в других – трансформироваться во *внутренние угрозы* такой безопасности. Рассмотрим особенности этих факторов.

1) Ведущую роль играет *идеологическая деятельность государства*, конкретизируемая, как правило, в конкретных документах, таких как концепции (или доктрины) национальной, военной, информационной безопасности, национальные программы в различных сферах общественной жизни и др.

Политические партии и общественные организации реализуют свою роль в системе духовной безопасности как через свои программы, доктрины, концепции и другие идеологические, теоретико-политические документы, так и через непосредственную информационную, идеологическую, культурно-воспитательную деятельность.

2) Существенную роль в становлении и развитии системы духовности современных государств играет деятельность *религиозных организаций*. Трудно переоценить в этом смысле роль Русской православной церкви (РПЦ).

Опираясь на традицию, обладающую большой притягательной силой, Церковь сегодня выступает в качестве важного социального механизма, реально сдерживающего прорыв в духовно-нравственное пространство России чужеродных идеалов, норм и ценностей. В частности, важную роль для формирования духовной безопасности России играет еще один документ, утвержденный на итоговом заседании VIII Всемирного русского народного собора, – «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», предназначенный для добровольного принятия предпринимателями и их сообществами, другими участниками экономических процессов. Здесь отмечается, что культ богатства и нравственность в человеке несовместимы, а само богатство рассматривается не как благословение и не как наказание, а, прежде всего, как испытание и ответственность¹.

¹ Подробнее см.: Федотова В.Г., Кросс Ш. Православие, Вебер и новый русский капитализм // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 49.

Вместе с тем, учитывая многоконфессиональный характер российского общества, следует отметить специфическую роль в системе безопасности не только духовной деятельности конкретных церквей (мусульманских, иудейских, буддистских и др.), но и состояние межцерковных, межконфессиональных отношений.

Следует учитывать и известную противоречивость религиозного фактора в системе духовной безопасности, на что справедливо указывает П.Н. Беспаленко: «Мифы, верования, предания могут способствовать возрождению национального самосознания, но их опасность состоит в том, что труднейшие проблемы консервируются, а не решаются. И не в последнюю очередь только потому, что за народом признаются высокие нравственные и религиозные принципы, но ему же отказывают в рациональности, планировании и прогнозировании своего будущего»¹.

3) Особую роль в формировании духовности молодого поколения играет *система образования*, в частности уровень и качество ее гуманитаризации. Это тем более важно, что ныне вошли во взрослую жизнь поколения, воспитанные в ситуации «идеологического вакуума», не знающие иных ценностей и идеалов, кроме индивидуального благополучия и потребительского достатка. Как подчеркивает П.Н. Беспаленко «они слабо идентифицируют себя с Россией и ее культурой, а свои интересы – с общенациональными»².

4) Трудно переоценить роль *средств массовой информации*, которые в современном мире, по сути дела, сформировали непрерывное во времени и пространстве информационное поле, воздействующее на каждого человека, на каждого гражданина государства.

Во многом справедлив тезис В.С. Медведева, В.Е. Хомякова и В.М. Белокура: «...пока главным критерием правильности редакционной политики канала будут оставаться рейтинги и стоимость рекламного времени, а не польза для единой нации и участие в решении общенациональных задач, телевидение будет

¹ Беспаленко П.Н. Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 10. С. 142.

² Беспаленко П.Н. Духовная составляющая национальной безопасности России // Обозреватель-OBSERVER. 2007. № 4. С. 7.

продолжать воспитывать из нас *антиграждан*. Как бы ни меняла власть собственников телеканалов и как бы ни «тасовала» руководящие кадры»¹.

2.3 Глобализация и информатизация как факторы формирования национальной идентичности и обеспечения духовной безопасности

Современный этап развития общества получил немало эпитетов: постиндустриальное, технотронное, посткапиталистическое. Но чаще всего используется термин «информационное общество», в котором отражается особая роль и особое качество информационных потоков в современном обществе.

Духовность конкретного социума как основа его идентичности всегда связана с межчеловеческим, межкультурным общением; материальным основанием такого общения всегда выступают конкретные технологии информационного обмена. Поэтому объективно существует целый спектр угроз духовной безопасности – угроз технологическим каналам информационного обмена, что и потребовало выделения специфического направления национальной безопасности – информационной безопасности. Учитывая этот аспект, ряд исследователей специально выделяют *духовно-информационный* фактор национальной безопасности, фактически – духовно-информационную безопасность. Так, Ю.А. Тихомиров в структуре этого фактора выделяет до 16 компонентов: от уровня образования населения до развития средств массовой информации и ведения психологической борьбы².

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации специально подчеркнуто, что «информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Их эффективное применение является факто-

¹ Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М. Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России. М.: Современные тетради, 2004. С. 219.

² Тихомиров Ю.А. Геополитика и безопасность России в условиях постсоветской трансформации. М., 2004. С. 19.

ром ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества. Информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации (статья 7)»¹.

Общепланетарная сетевая паутина, в техническом аспекте весьма эффективно контролируемая Вашингтоном, создает технологическую основу манипуляции международным сообществом. Под видом свободы, плюрализма и толерантности самые разные политические акторы в своих корыстных интересах совершенствуют методы силового информационного воздействия, внедряя в потребительское поле суррогаты информации, нужные стереотипы мышления, ложные информационные образы, разного рода фейки для дезинформирования мирового общественного мнения в интересах формирования однополярного мира.

Необходимо учитывать и тот факт, что система социальных сетей существенно изменяет *структуру и содержание* межличностного общения, зачастую делая его анонимным. Социальные сети могут выступать важным средством политической активности граждан, в частности политической мобилизации. Этот феномен исследован в целом ряде работ. В качестве примера укажем лишь на некоторые работы².

В частности, клиповый характер интернет-информации постепенно отучает ее потребителей от чтения «длинных» текстов, из их круга чтения уходят традиционные книги: романы, большие повести.

Вместе с тем именно информационные технологии в состоянии обеспечить широкий доступ каждого российского гражданина к национальным и мировым культурным ценностям на

¹ Доктрина информационной безопасности РФ: утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.03.2020).

² Алексеев Г.В. Политические технологии обеспечения информационной безопасности России в процессе взаимодействия государственной власти со средствами массовой информации: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2018; Курочкин А.В. Социальные сети как инструмент политической мобилизации: опасность манипуляции и пределы демократии // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. № 8 (3); Никипорец-Такигава Г.Ю. Интернетизация политического пространства: теоретическая концепция, системный и структурно-функциональный анализ существующих моделей и прогноз развития: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2019 и др.

основе работы публичных электронных библиотек, использования научных, исторических, художественных, музейных, театральных и других интернет-ресурсов. Защита основ нравственности в средствах массовой информации и в интернет-сфере выступает все более актуальной задачей.

Таким образом, процесс обеспечения духовной безопасности неизбежно совпадает с процессом возрождения российской духовности. Объектом духовной безопасности выступает духовная жизнь российского общества во всем ее многообразии. Существенным компонентом духовной безопасности является национальная идентичность.

Специфическими факторами, в условиях которых реализуется защита духовной безопасности современных обществ, являются глобализация и информатизация.

Система внешних угроз духовной безопасности многообразна и включает как факторы, непосредственно ослабляющие духовную безопасность, так и факторы, опосредованно реализующие негативное влияние на духовную безопасность. Наиболее острой формой воздействия на духовную безопасность выступают идеологические, психологические, информационные войны. Широко распространенной формой ослабления духовной безопасности и национальной идентичности является распространение низменных образцов массовой культуры.

В числе внутренних факторов духовной безопасности наиболее существенную роль играют: идеологическая деятельность государства, политических партий и общественных организаций; духовная деятельность религиозных конфессий; развитие гуманитарного образования; деятельность средств массовой информации.

Вопросы и задания

1. Покажите специфику понятия «безопасность» применительно к духовной безопасности.
2. Как соотносятся понятия «духовность» и «сознание»?
3. Каковы существующие взгляды на природу духовности?
4. Каковы цели духовной безопасности? Как она связана с процессами обретения идентичности российского социума?

5. Как связаны между собой культура и духовная идентичность?
6. Чем различаются культура и цивилизация?
7. Покажите взаимосвязь национальной идентичности и глобализации.
8. Раскройте взгляды на сущность духовной безопасности, изложенные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.
9. Покажите природу объекта духовной безопасности и его основные компоненты.
10. Раскройте характер внешних угроз духовной безопасности.
11. Покажите внутренние факторы духовной безопасности.
12. Каковы важнейшие направления укрепления духовной безопасности?

Литература

Доктрина информационной безопасности РФ: утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusnardom.ru/dokumentyi/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 22.03.2020).

Путин В.В. Россия: национальный вопрос. URL: <http://putin2012.ru/#index> (дата обращения: 22.03.2020).

Акопян К. Культура в глобализирующемся мире // Безопасность Евразии. 2002. № 4.

Алексеев Г.В. Политические технологии обеспечения информационной безопасности России в процессе взаимодействия государственной власти со средствами массовой информации: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2018.

Беспаленко П.Н. Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии // Научные ведомости БелГУ. 2009. № 7.

Беспаленко П.Н. Духовная составляющая национальной безопасности России // Обозреватель-OBSERVER. 2007. № 4.

Беспаленко П.Н. Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 10.

Борисов С.Н., Дмитриков А.М. Духовная безопасность и проблемы безопасности в современном мире. Статья 2 // Наука. Искусство. Культура. 2018. Вып. 3 (19).

Возьмитель А.А. Духовная безопасность: актуальные теоретико-методологические и практические вопросы // Безопасность Евразии. 2005. № 3.

Газгиреева Л.Х., Бурняшева Л.А. Экзистенциальные основы духовной безопасности российского общества // Власть. 2011. № 2.

Добренков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. М.: Акад. проект, 2011.

Душина Т.В., Бокачев И.А. Актуализация безопасности духовной культуры российского общества // Власть. 2011. № 1.

Зеркалов Д.В. Основа духовной безопасности: хрестоматия. Киев: Науковий світ, 2008.

Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вестн. Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 1 (21).

Коршунов А.В. Духовная безопасность российского общества: основные угрозы и стратегии их преодоления // Власть. 2012. № 6.

Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М. Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России. М.: Современные тетради, 2004.

Межуев В.М. Между прошлым и будущим: избр. соц.-филос. публицистика. М.: ИФРАН, 1996.

Почему нам надо защищать историческую правду? // Комсомольская правда. Специальный выпуск «Поправки в Конституцию – это мой выбор». 2020. Февр.

Путин В.В. Россия: национальный вопрос. URL: <http://putin2012.ru/#index> (дата обращения: 25.03.2020).

Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социол. исследования. 2007. № 4.

Сергеев В.В. О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4.

Тонконогов А.В. Духовная безопасность современного российского общества. М.: Изд-во РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009.

Яновский Р. Мировоззрение и бесструктурное управление // Безопасность Евразии. 2006. № 1.

Глава 3 Национальная идентичность и безопасность современной России

3.1 Категория идентичности в социальных науках

Категория идентичности заняла сегодня прочное место в арсенале общественных наук. Такое масштабное «наступление идентичности» произошло в последние два десятилетия. Само слово «идентичность» пришло, как и многие другие прочно укоренившиеся в социальных исследованиях термины, из латыни. Прилагательное *identicus* (от лат. *idem* – то же, тот же) сохранило корень в современных европейских языках (ср. англ. *identical* и франц. *identique* – одинаковый, тождественный, равнозначный, сходный). В русском языке слово «идентичный» в значении «тождественный», «равнозначный», «совершенно одинаковый» и производное от него существительное «идентичность» были зафиксированы в начале прошлого века в целом ряде изданных тогда же словарей иностранных слов, вошедших в состав русского языка¹.

Идентичность – категория социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей². Под идентичностью понимаются социально детерминированные представления индивидов о своем «Я», складывающиеся в результате соотнесения с некоторыми «Другими» (осуществляемого как самими индивидами, так и их окружением, в силу чего

¹ См.: Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Составлен по Энциклопедическому словарю Ф. Павленкова, с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. 2-е издание Ф. Павленкова. 1907. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлихъ. 368 с. См, например: идентичный [дэ], -ая, -ое; -чен, -чна (книжн.) – тождественный, полностью совпадающий (Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2015).

² Идентичность. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/419/ИДЕНТИЧНОСТЬ (дата обращения: 20. 03.2020).

имеет место сложное и порой конфликтное переплетение идентификации и самоидентификации)¹.

Идентичность выступает как представление человека и общества о своей принадлежности к какой-либо общности более высокого порядка (политической, культурной, социальной, цивилизационной и т. п.), о своем месте в системе общественных отношений, институтов, ценностей; она выступает комплексной базой для формирования индивидуальных и массовых социальных практик, воспроизводящих данное общество как самостоятельную социокультурную систему, основой социальной интеграции, выработки национальной идеологии, формирования национального интереса, представлений о возможностях и путях обеспечения национальной безопасности.

Теории идентичности исходят из позиции, что люди, относящиеся к одной социальной категории и имеющие сходный жизненный опыт (в зависимости от пола, цвета кожи, принадлежности к тому или иному поколению и др.) будут действовать на основе этих общих признаков, а не по причине осмысленных интересов или усвоенных ценностей. Предполагается, что идентичность – это то, чем обладают или должны стремиться обладать все индивиды или сложившиеся социальные группы². Подобная *эссенциалистская позиция* предполагает, что идентичности даются естественным образом, на основе социобиологических факторов – расы, нации, класса, пола и др.

Для *социального конструктивизма* же идентичность есть не заранее данная сущность, а нечто неоднозначное, дискурсивный конструкт, зависящее от контекста, результат культурной идентификации³. Идентичность – это то, чем можно обладать неосознанно, а значит, в отношении чего можно заблуждаться, можно открыть или переопределить. Эта позиция, основанная на понимании

¹ См.: Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005. С. 9.

² См.: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки / ред.-сост. вып. О.Ю. Малинова // Политическая наука: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; Центр соц. науч.-информ. исслед. отд-ния полит. науки; Рос. ассоц. полит. науки; гл. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН, 2005. № 3. С. 10–12.

³ Там же. С. 12–14.

идентичности как субъективно конструируемого феномена, преобладает в настоящее время в исследованиях идентичности.

Исследования идентичности стали ответом психологической науки на потребность в объяснении мотивации поведения человека в социальной среде, возникшей в контексте развития психоанализа. После выхода в свет работы Эрика Эриксона о становлении идентичности и психологии взросления сформулированное им понятие «кризис идентичности» получило признание и стало широко применяться в тех областях исследований, которые занимались изучением содержательных характеристик человеческой индивидуальности, механизмов ее формирования и включения «я» в систему социальных связей общества. Это, в первую очередь, психология и социальная педагогика, психиатрия, социальная и культурная антропология. Осмысление структуры сознания и механизмов психологического конструирования социальной реальности, начало изучению которых положили написанные в 1920-е гг. труды В.С. Выготского, стимулировали исследования культурно-исторической природы человеческой психики и также проложили «мостик» к изучению индивидуальной идентичности и ее социальных и культурных оснований.

Концепт социальной идентичности был обоснован спустя полвека американскими учеными Г. Тэджфелом и Дж. Тернером для объяснения природы межличностных и групповых взаимодействий и их взаимовлияния. Он получил развитие в разработанном этими авторами понятии самокатегоризации как процесса определения себя через принадлежность к группе «себе подобных»¹.

И.С. Семененко указывает, что секрет популярности многомерного концепта идентичности заключается в связанных с ним ожиданиях получить ответ на неразрешенный с помощью привычного инструментария социогуманитарного знания вопрос: как гармонично соотнести социальные потребности и приоритеты развития современного общества с ценностями и смыслами человеческого бытия. И, что не менее важно, в надеждах «открыть» с

¹ См.: Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / ИМЭМО РАН; отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 19.

его помощью источники социального творчества. В конечном счете – прояснить глубинные механизмы социальных и культурных изменений, определяющие перспективы общественного развития. Дискурс идентичности стал рассматриваться как действенный механизм конструирования социальной реальности, а динамика идентичности – как один из значимых маркеров происходящих трансформаций, описывающих включенность человека в социальные процессы¹.

Идентичность выступает в качестве не присущего индивиду изначально свойства, а отношения. Она формируется, изменяется именно в процессе социального взаимодействия. Идентичность определяется индивидами, поскольку только индивиды обладают качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определенные значения. Приписывать идентичность социальным группам и общностям возможно лишь в переносном смысле.

Основой формирования идентичности выступают устойчивые социокультурные характеристики общества. Культурное поле самоидентификации задает ценностно-нормативную структуру идентичности и выступает определяющим фактором, играя роль своего рода матрицы, в пределах которой происходит конструирование социальной реальности². Вместе с тем, по мнению А. Бенуа, идентичность – это не то, что никогда не меняется, но то, что определяет нашу специфическую манеру изменяться, оставаясь самими собой. Она есть некая форма коллективного повествования, коллективной истории, которая все время преобразуется, но всегда остается верной себе³.

В соответствии с типом коллектива, с которым идентифицируют себя индивиды, различают политическую, национальную, идеологическую, этническую, культурную идентичность и др.⁴

¹ Идентичность: личность, общество, политика. С. 20.

² Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; Г.Ю. Семигин, В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 336.

³ Цит. по: Карцев Е.А. Социально-культурные предпосылки инновационного развития // Философские науки. 2010. № 9. С. 25–36.

⁴ Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. С. 300.

Так, культурный опыт и ориентации, которые человек определяет ведущими своего самоопределения, образуют основания его *культурной идентичности*. Культурная идентичность – принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом¹. Формирование культурной идентичности происходит в пространстве коммуникации, в соотнесении с нормами и установками своей и иных групп. Культурная идентичность утверждается через участие в общих культурных практиках, которые являются для данного сообщества социально значимыми.

Религиозная идентичность человека формируется в результате соотнесения себя с определенной религией и определяется значением веры и ролью религиозных институтов в его сознании и поведении. Религиозную идентичность можно рассматривать как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью².

Политическая идентичность представляет собой комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Политическая идентичность отражает способность человека не только осознавать существующее в обществе политическое многообразие, но и определять свое место в системе объективных отношений, ощущать близость к одним участникам политических взаимодействий и наличие большой дистанции в отношении других.

Коллективные субъекты политики разного уровня формируют свою политическую идентичность на основании самосоотнесения с иными субъектами политики – носителями «иной» идентичности и размежевания с ними. В этом контексте политическая идентичность как совокупность представлений об идей-

¹ URL:<http://www.grandars.ru/college/sociologiya/kulturnaya-identichnost.html> (дата обращения: 16.03.2020).

² Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Культурная революция, 2009. 368 с.

ных ориентациях, политических притязаниях и интересах политических акторов служит маркером политической субъектности, легитимирует ее¹.

Идеи и представления о сложившемся и/или желаемом миропорядке, о месте, роли государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о его ресурсах внешней политики формируют *внешнеполитическую идентичность* национального государства. Такая идентичность формируется преимущественно политическими элитами, выступающими от имени государства, теми, кто принимает внешнеполитические решения.

Национальная (этническая) идентификация – чувство приобщенности человека к конкретной национальной (этнической) культуре, при котором он постоянно отождествляет себя с определенной группой, этносом, нацией, расой. Ежедневный труд, соседские отношения, совместная религиозная практика, политическая активность, экономическое поведение, досуг и развлечения – все это может быть в той или иной степени формой национальной (этнической) идентификации².

Проблема идентичности актуализировалась с наступлением эпохи современности, или модерна. Поскольку в досовременных обществах идентичность индивидов задавалась их происхождением и принадлежностью к определенному социальному слою (эту данность они не были властны изменить), проблемы самоидентификации не возникало. Идентичность современного человека связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, тяготея к которому, индивиды формируют свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностями. Нынешний взрыв интереса к идентичности стал ответом на усложнение институциональных основ и стремительный рост многообразия общественной среды, на появление новых угроз смыслобжителным основам бытия человека.

Как формы отражения субъективных представлений о себе и о других, утверждающиеся в ходе соотнесения себя со значимы-

¹ Идентичность: личность, общество, политика. С. 350.

² URL: [https://ethnopsychology.academic.ru/225_национальная_\(этническая\)_идентификация](https://ethnopsychology.academic.ru/225_национальная_(этническая)_идентификация) (дата обращения: 16.03.2020).

ми «другими», идентичности существовали всегда, но люди не осмысливали свой жизненный опыт в таких многослойных смысловых категориях. Традиционные общества с жестко predetermined жизненными траекториями и устойчивыми идентичностями эволюционировали под влиянием социальной мобильности индустриальной эпохи. Усложнение социальных трансформаций, определяющее вектор развития современных обществ, превратили изменчивость в социальную норму. Но оно не сняло потребности человека в ориентирах для выстраивания жизненных траекторий, для понимания собственного «я» и своего места в мире. Я-идентичность и стала своего рода зеркалом отражения субъективного восприятия себя относительно других и других в себе, формой осмысления собственного жизненного опыта в контексте социальных отношений¹.

В современных социальных организмах идентичность имеет множественный характер. В процессе социализации индивид научается справляться со многими ролями и, соответственно, имеет множество «идентичностей».

3.2 Место национальной идентичности в системе духовности

Три ключевых фактора играют роль в теоретическом осмыслении проблемы духовной безопасности.

Во-первых, проблема национальной идентичности, которая носит многоплановый характер, включающий в себя не только собственно духовные, но и экономические, политические, социальные, правовые аспекты.

Во-вторых, понимание проблем российской духовности и духовной безопасности невозможно без учета процессов глобализации современного мирового сообщества.

В-третьих, необходим учет специфики современного общества, связанной с особенностями информационно-обменных процессов, выступающих носителями той информации, которая формирует содержание духовности.

¹ См.: Идентичность: личность, общество, политика. С. 24–25.

В условиях глобализации возрастающим по значению компонентом духовности (таким компонентом, который в наибольшей степени подвержен внешним угрозам) является *национальная идентичность*, тесно связанная с понятием *национальной идеи*. Именно понятие национальной (и государственной) идентичности выступает наиболее ярким проявлением духовного осмысления индивидом его места в обществе, причем места, соотношенного с социальным (в частности, этносоциальным) статусом его соотечественников.

Место национальной идентичности в системе духовности не является постоянным и стабильным. Она выступает на первый план, прежде всего, в эпоху социальных потрясений, крупных общественных перемен. Именно на таком этапе и находится современная Россия. Длительное пребывание России на этом этапе (этапе социальных перемен) вызывало у отдельных исследователей сугубо пессимистические настроения применительно к состоянию духовной безопасности России, приводило их к выводу о том, что в сфере духовности Россия оказалась полностью незащищенной от существующих и предстоящих угроз¹.

Т.И. Заславская полтора десятилетия назад в обстоятельном исследовании сделала вывод о заметном снижении *социально-культурного потенциала россиян* по сравнению с советским временем, выделив в связи с этим три тенденции: 1) «сознательное и активное» разрушение государством институциональной, материально-финансовой и кадровой базы развития науки, образования и культуры; 2) все более глубокую сегрегацию разных слоев населения по социально-культурным критериям (характеру ценностей, интересов, образу и стилю жизни); 3) безусловное и очень резкое снижение общей морали и нравственности².

Но вряд ли соответствует действительности вывод о том, что проблемы духовной безопасности *современной* России могут быть осмыслены *исключительно* в негативном ключе. В системе современной российской духовности немало утрачено в сравне-

¹ См., например: Возьмитель А.А. Духовная безопасность: актуальные теоретико-методологические и практические вопросы // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 229–251.

² Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 20.

нии с советским периодом, накоплено немало негативных моментов, но нельзя не признать и того, что за последние полтора-два десятилетия формируются и постепенно утверждаются новые гуманистические ценности, адекватные системе духовности постиндустриального, информационного общества.

Следует специально отметить, что в течение последнего десятилетия нагнетается духовное и идеологическое давление на Россию со стороны западных стран – членов Евросоюза и НАТО, испытывающих, в свою очередь, давление со стороны американского руководства. Речь идет не только о санкциях, поводом для которых стало возвращение Крыма в Россию, но и о глобальных попытках перекраивания исторической картины мира, о стремлении, вопреки исторической правде, представить Россию в роли агрессора, якобы в равной мере с фашистской Германией виновной в развязывании Второй мировой войны, в роли оккупанта, под «тяжким игом» которого томились бывшие республики СССР и страны Варшавского договора. Идут систематические нападки на историческую память нации¹.

Если рассматривать идентификацию как осознание личностью своей тождественности с социальной группой, нацией, народом, то процесс *национальной идентификации* можно характеризовать в качестве такого инструмента социализации личности, посредством которого усваиваются *ценности культуры* определенного общества. Поскольку духовность – это совокупность специфических духовных ценностей, то и национальная идентичность есть неотъемлемая составная часть духовности народа, нации.

Кризис идентичности в первые десятилетия постсоветской России и заключался в кризисе приобретения или усвоения ценностей, которые могли бы трактоваться как *ценности российского общества, российской культуры, российской духовности*. Именно на это обращал в свое время внимание В.В. Путин, подчеркивая, что наша «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой высту-

¹ Подробнее см.: Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманов З.Р. Российская государственно-национальная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2019. № 1. С. 90–98.

пают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать¹.

Одной из задач внесения изменений в Конституцию России как раз и выступает правовое закрепление «культурного кода» народов, объединенных в Российскую Федерацию. Так, поправка к статье 67 подчеркивает, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»².

Между тем некоторые исследователи не считают актуальной для России проблему национальной идентификации, если только Россия не захочет остаться на положении развивающейся страны: «В течение последнего столетия этническая определенность вообще утрачивает определенность и смысл, сохранив интенсивность лишь в развивающихся странах»³. В какой-то мере эта позиция коррелирует с тезисом крупного исследователя-международника Р.Н. Лебоу из его книги «Национальные идентичности и международные отношения» (2016): не существует единой и неизменной идентичности – ни индивидуальной, ни национальной. Скорее следует говорить «о множестве изменчивых «самоидентификаций» (в случае индивидов) или «самоидентификаций» (в случае государств)»⁴.

Ныне стало предельно ясно, что так называемый культурный проект младемократов состоял в огульном и тотальном отрицании большей части ценностей, накопленных многонациональной культурой сначала российского, а впоследствии совет-

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос. URL: <http://putin2012.ru/#index> (дата обращения: 25.03.2020).

² Цит. по: Почему нам надо защищать историческую правду? // Комсомольская правда. Специальный выпуск «Поправки в Конституцию – это мой выбор». 2020. Февр. С. 9.

³ Насонова Л.П., Лазебный Л.И. Российская идентичность и ее аспекты // Российская идентичность: социокультурный контекст: сб. науч. ст. по итогам Международной научной конференции (15 нояб. 2019 г.). М.: Русайнс, 2019. С. 93.

⁴ Цит. по: Гудалов Н.Н. Национальные идентичности и международные отношения: нужно ли «изобретать» конструктивизм заново? // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 165.

ского государства, в охаивании сформировавшихся традиций как народной культуры, так и классической культуры российского и советского государства. Они встали на тот же скользкий путь, по которому прошли «пролеткультовцы» в 20–30-х гг. XX в. Нынешние младемократические «пролеткультовцы» не могли предложить российской молодежи и российскому народу в целом ничего, кроме суррогатов западной масскультуры. Одно из следствий этого – ослабление позиций русского языка. Между тем стержень национальной идентичности составляет родной язык.

При этом из 10–12 ведущих мировых языков русский язык является единственным, утрачивающим свои позиции в мире за последние десятилетия¹. По прогнозам, к 2025 г. число владеющих русским языком в мире упадет до 152 млн чел.² Если в 2013 г. русский язык по степени распространенности в мире занимал 6 место³, то в 2018 г. – только 8.

Именно поэтому отечественными исследователями ставится вопрос о лингвистической безопасности России. Как подчеркивает И.И. Халеева, «главной проблемой лингвистической безопасности является обеспечение устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками»⁴. Следует согласиться с ее мнением о том, что «недооценка государственного языка ведет к неизбежному снижению роли нации, роли государства как основного регулятора экономической, политической, социальной и культурной жизни людей. А это означает, что суверенитет страны размывается и на верхнем, государственно-политическом, сверхнациональном уровне, и на нижнем, связанном с так называемым демократическим транзитом (или третьей волной демократизации в мире), воплощенным в широко развер-

¹ Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Перспективы развития русского языка и русской культуры в современных условиях. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 18.

² Душина Т.В., Бокачев И.А. Актуализация безопасности духовной культуры российского общества // Власть. 2011. № 1. С. 95.

³ Арефьев А. Л. Сжимающееся русскоязычие. Демографические изменения – не на пользу русскому языку // Демоскоп Weekly. № 571–572 (14 окт. 2013). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA (дата обращения: 26.03.2020).

⁴ Халеева И.И. Государственно-политические аспекты лингвистической безопасности России // Вестн. Российской академии наук. 2006. Т. 76, № 2. С. 5.

нувшейся деятельности общественных групп, организаций и индивидов»¹. В поправках к Конституции РФ не просто подчеркивается роль русского языка как государственного, но и отмечается, что это «язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»².

В числе основных подходов к пониманию национальной идентичности современные исследователи выделяют *примордиализм*, трактующий национальную идентичность как результат общей культуры и истории народов, *конструктивизм*, в рамках которого национальная идентичность предстает искусственным образованием, результатом «мифотворчества» элит, *инструментализм*, для которого национальная идентичность – это средство социального контроля. Именно благодаря первому подходу удастся показать, что «национальная идентичность есть результат взаимовлияния культур населяющих Россию народов, происходящего органично, в ходе исторического развития. Образуется единый пространственно-временной континуум культуры, который и составляет фундамент российской идентичности»³.

Подведем некоторые итоги относительно современного понимания *связи духовности и идентичности*.

В *содержательном* смысле духовность представляет собой систему понятий, представлений, принципов, запретов, предпочтений и т. д., которые в рациональной и эмоциональной форме отражают систему отношений «человек – общество», «гражданин – государство».

В *функциональном* смысле духовность формирует определенную линию поведения личности, социальной группы, народа, нации под углом выбора гуманных начал (социального добра) в качестве оснований социальной деятельности, под углом зрения отторжения зла в общественных отношениях.

¹ Халеева И.И. Указ. соч. С. 6.

² Цит. по: Кто может оспорить вклад России в мировую культуру? // Комсомольская правда. Специальный выпуск «Поправки в Конституцию – это мой выбор». 2020. Февр. С. 12.

³ Мамедова Н.М. Российская идентичность: спонтанное и сознательное // Российская идентичность: социокультурный контекст: сб. науч. ст. по итогам Международной научной конференции (15 нояб. 2019 г.). М.: Русайнс, 2019. С. 11.

В *мировоззренческом* смысле духовность выступает как определенное мироощущение: представление народа о себе, о своей истории, о принципах взаимосвязей своей страны с иными странами и народами мира, с иными культурами и т. д.

В *конституирующем* смысле духовность выступает в качестве системообразующего стержня национальной идентичности, личность, идентифицирующая себя с конкретным этносом, конкретной нацией, разделяет прежде всего такие ценности, которые составляют содержание духовности нации.

Системообразующую роль в содержательной структуре самой духовности играет *национальная идея*.

Многие отечественные исследователи приходят к выводу, что основу духовности современной России, основу национальной идентичности россиян могла бы составить русская идея. Еще Б.Н. Ельцин в 1996 г. говорил о необходимости поиска общенациональной или общероссийской идеи. Была создана специальная группа аналитиков во главе с Г. Сатаровым, которая проанализировала публикации в прессе по данной теме и подготовила к публикации солидную брошюру – «Россия в поисках идеи. Анализ прессы» (1997). Практических последствий эти действия не имели.

Однако, несмотря на прошлые неудачи, поиск «русской идеи», поиск путей формирования национальной идентичности продолжается. При этом нередко предлагается один-единственный рецепт. Так, Ю.Г. Волков считает, что «ни капитализм, ни социализм, а гуманистическое общество – такова идеология будущего Российского государства, основанного на самоценности человека»¹. О.И. Карпухин и Э.Ф. Макаревич выдвигают тезис о национальной культуре как основе национальной идентичности², а К.А. Фофанов – о минимизации глобализационных рисков³.

¹ Волков Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 11.

² Подробнее см.: Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. Национальная культура – основа национальной идентичности в глобализирующемся мире // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 31–56.

³ Фофанов К.А. Влияние глобализации на цивилизационное развитие России // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 28.

Очевидно, что ни один из этих подходов не может быть отвергнут в силу того, что в каждом из них выделяется одна из существенных сторон духовности. Однако взятый сам по себе каждый из этих подходов предстает в качестве одностороннего, не учитывающего многие существенные факторы формирования российской духовности и национальной идентичности. Очевидно, дальнейший поиск должен проходить с учетом многофакторности самого феномена национальной идеи, многоаспектности национальной идентичности.

Каждая новая эпоха, в том числе эпоха информационная, неизбежно изменяет представление народа о духовности.

Во-первых, в структуре духовности возрастает роль и значение *правовой* культуры. Современное понятие духовно-нравственного человека и общества неотделимо от борьбы за права и свободы граждан в рамках понятий демократического, правового, социального государства.

Во-вторых, при универсальности важнейших принципов духовности в обществах разного типа она сохраняет свои *особенности*. Для российского общества, не переживавшего эпохи западного рационализма, характерен приоритет:

- духовных начал – перед материальными;
- общественных интересов – перед частными, личными;
- коллективизма – перед индивидуализмом.

В российском обществе духовность неотделима от таких понятий, как государственность, патриотизм, привязанность к земле предков и др. Неотделима она и от *социального идеала*.

Подлинный государственно-патриотический подход сопряжен с той идеей, которую выразил выдающийся русский философ И.А. Ильин многие десятилетия тому назад: «Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, культурных и державных основ интересов. Мы не смеем – ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенародное достояние. Мы не смеем обещать от лица России – никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначе-

но в истории России как поколение дряблкое и предательское»¹. Фактически И.А. Ильин размышляет о проблемах национальной безопасности России.

3.3 Проблемы формирования российской идентичности в современном мире

Современная глобализация сжимает цивилизационное пространство и время в связи с возрастанием возможностей глобальных инструментов коммуникации: «всемирного телевидения и радио», «всемирной паутины» Интернет, которые обладают возможностью нивелировать любое своеобразие культур, любые проявления национальной идентичности вплоть до «всемирного языка» – английского, который посредством вульгарных упрощений адаптируется к любым культурам. Исследователи отмечают, что всего 10 западных телекоммуникационных компаний владеют 86% мирового рынка телекоммуникаций².

При анализе влияния глобализации на развитие феномена духовности необходимо различать понятия «культура» и «цивилизация» для выяснения содержательной сущности тех процессов, которые выступают в качестве объекта глобализации³. Наиболее общее понимание культуры состоит в том, что она является *продуктом человеческой деятельности*. Но человеком создается и цивилизация. Поэтому различие лежит не в генезисе (происхождении) этих явлений, а в их системообразующих функциях.

Главной функцией культуры выступает *человекотворчество*, именно культура выступает условием постоянного развития и совершенствования человека. Именно через конкретного человека, через его деятельность, через его духовность культура и проявляется. «Культура, вырабатываемая людьми сознательно

¹ Ильин И.А. Очертания будущей России. URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/ilin/nz/nz-132.htm> (дата обращения: 25.03.2020).

² Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. Указ. соч. С. 32–33.

³ Акопян К. Культура в глобализирующемся мире // Безопасность Евразии. 2002. № 4. С. 398–419; Сравнительное изучение цивилизаций / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998.

или неосознанно, является – через свои ценности, нормы, традиции и т. д. – посредующим звеном между человеком и окружающим миром»¹.

Таким образом, культура образует *внутреннюю социальную сущность* человека, конкретной социальной группы, общества, нации. Цивилизация же выступает в качестве *внешнего условия* человеческого бытия (а равно – и бытия социальной группы, народа, нации). Она образует *объективные материальные* (средства питания, жилище, техника, технология и др.) и *социальные* (система формализованных социальных норм: обычаи, юридические нормы, нравственные и религиозные правила поведения) условия человеческой деятельности.

Если цель цивилизации – обустройство окружающего человека мира, то цель культуры – совершенство человека. Поэтому цивилизация может быть уподоблена телу общества, а культура – ее душе. Справедлива формула

$$Ц = К - Ч (Д),$$

где Ц – цивилизация, К – культура, Ч (Д) – человек, рассматриваемый в аспекте его духовности.

Таким образом, наглядной становится значимость духовной безопасности человека, нации, государства: *если из культуры выхолащивается духовность, она вырождается в мертвый скелет цивилизации*, утрачивается культурная, а следовательно, и национальная идентичность.

Значение культурного идентификационного кода нации определяется тем, что глобализация цивилизации еще не означает необходимости глобализации культуры. Этому противодействует сама природа культуры, рассматриваемой «в качестве практически не знающей границ и пределов, а потому, как это ни парадоксально, и не способной стать глобальной духовной сферой, обладающей изначальной целостностью»².

Если основу *цивилизационной коммуникации* составляет универсализация и унификация (мобильные телефоны должны изготавливаться по единым технологическим нормам), то в куль-

¹ Кондаков И.В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 138.

² Акопян К. Культура в глобализирующемся мире // Безопасность Евразии. 2002. № 4. С. 419.

туре «принципом коммуникации между людьми является неповторимая, уникальная, самобытная личность, индивидуальность каждого человека, его индивидуальная свобода»¹.

Современная цивилизация не может не глобализироваться. Интернет был бы невозможен, если бы в каждой стране существовали собственные технологические стандарты для оборудования глобальной Сети. Неизбежно универсализируется международное право в связи с развитием международного экономического, социального, культурного обмена, нуждающегося в правовом регулировании. Имеет оправдание и Болонский процесс, стандартизирующий нормы высшего профессионального образования, что позволяет обладателю национального диплома на законных основаниях работать в других странах².

Благодаря глобальному социокультурному обмену сегодня США пытаются определять не только направления развития мировой экономики, но и стремятся навязать одностороннее движение цивилизационных ценностей от западной (прежде всего, американской и преимущественно – массовой) культуры к России. Эти потоки зачастую некритично усваиваются российской молодежью³. В результате формируется еще одна идентификационная проблема: неверие в Россию, российскую культуру, российскую армию, российскую науку, в возможности российской духовности.

Анализируя историю формирования российской идентичности⁴, рассматривая идентичность в триаде: «национальная идентичность – государственная идеология – политическая культура»⁵, авторы приходят к необходимости конституирования российской «политики идентичности».

¹ Межуев В.М. Между прошлым и будущим: избр. соц.-филос. публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С. 6.

² Подробнее см.: Пчегатлук С.К., Просолова Т.И. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность // Научные труды КубГТУ. 2019. № 54. С. 375–383.

³ Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социол. исследования. 2007. № 4. С. 37–43.

⁴ Ланца Д. Национальная идентичность России: вчера, сегодня, завтра // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 161–134.

⁵ Карнишина Н.Г. Триада: национальная идентичность – государственная идеология – политическая культура в современной России // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 3 (19). С. 3–6.

Такая политика призвана носить интегративный характер и отвечать новым геополитическим реалиям эпохи глобализации. В первом приближении в числе основных ее направлений могут быть выделены:

- соблюдение *приоритетов* культурной и духовной безопасности;
- обеспечение благоприятных условий для экономического роста России;
- культурная политика, учитывающая полиэтничность российской цивилизации;
- формирование национальной психологии, опирающейся на традиционные российские ценности, препятствующей разрушению русского языка;
- создание за рубежом, в том числе у бизнес-сообщества и населения, адекватного имиджа Российской Федерации и ее граждан;
- поддержание имиджа и престижности России у ее собственных граждан посредством возрождения и поддержания патриотизма;
- всемерное и наступательное противодействие международным попыткам переписывания истории, попыткам представить в искаженном виде роль России в мировой истории;
- распространение ценностей русской православной культуры и ценностей других, традиционных для России, религий.

Формирование национальной идентичности невозможно без опоры на традиционные российские духовно-нравственные ценности. В числе общих ценностей, формирующих фундамент российской государственности, выделяются: «свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм»¹. Заслуживает внимания идея В.В. Регнацкого, выделяю-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> Статья 11 (дата обращения: 23.03.2020).

щего в структуре национальной идентичности триаду: «образы – ценности – символы»¹.

Сильная *информационная политика* представляется одним из ключевых факторов формирования национальной идентичности России. Стратегическая цель такой политики – обеспечить России положение «информационно-культурного донора» для других стран мира, продвижение в мировую культуру тех духовных ценностей, которые составляют содержание российской национальной духовности.

Неоднократные социологические исследования показывают, что верующие различных конфессий выступают за сохранение равноправия народов России как исторически сложившегося условия существования государства². Поэтому немалую роль в решении рассматриваемой проблемы играет распространение ценностей русской православной культуры и ценностей других, традиционных для России, религий.

Оставаться великой державой для России, с учетом ее геополитического положения, – не блажь великодержавников, как думают многие либерал-демократы, нередко ссылающиеся на пример некогда великой, но бедной, а ныне маленькой, но процветающей Швеции. Это вопрос жизни и смерти российского народа как определенной общности. В свое время Г. Попов справедливо отмечал, что «страна протяженностью от Балтики до Тихого океана, напичканная богатейшими природными ресурсами, достаточно малонаселенная, *не сможет удержаться* как единое государство, не будучи *великой*. Или великая держава – или распад России на ряд русскоговорящих стран»³.

Россия и в современном мире по-прежнему выступает как хранительница многовековой духовной традиции, которая внесла весомый вклад в сокровищницу мировой культуры, науки, искусства, а также в решение глобальных общечеловеческих проблем: гармонизации социальных отношений, сохранения мира на планете Земля, освобождения ее от «коричневой чумы» XX в. и т. д.

¹ Регнацкий В.В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1. С. 49–46.

² Петров А. Насколько мы терпимы? // Независимая газета. 2005. 19 янв.

³ Попов Г. Зачем России быть великой // Независимая газета. 2000. 29 марта.

Как показывает весь опыт социальных реформ во многих странах Восточной Европы и ряде азиатских государств в конце XX – начале XXI в., переход от тоталитарной модели общества к его демократической модели невозможен без *нравственной реформации*, с которой должны быть соотнесены все экономические, политические, социальные и другие подобные идеи. И только опираясь на прочную духовно-нравственную основу, можно обустроить жизнь на свойственных России началах соборности, единения с природой, свободы и социальной ответственности.

Безусловно, прав член-корреспондент РАН Рудольф Яновский, утверждая, что «концепция безопасности любой страны понимается, в первую очередь, как концепция безопасности ее *государственности*»¹. Поэтому и национальная идея проявляется, прежде всего, как наличие у нации признаков безопасности. Эта идея выросла из необходимости однажды заселить и постоянно защищать свою территорию, свое население, свой язык, свою власть и свое право: «Никакой другой национальной идеи, кроме как иметь собственную территорию для себя и своего народа, говорящего на своем родном языке и управляемого национальными лидерами по согласованным с народом и средой обитания законам, не существует»².

Национальная идея призвана выразить жизненно важные, фундаментальные интересы и потребности Российского государства в XXI в.

3.4 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» и «Доктрина информационной безопасности» о духовной безопасности и национальной идентичности

Трудно переоценить значение методологических подходов к пониманию содержания и сущности духовной безопасности, которые зафиксированы в последовательно сменяющих друг друга государственных документах: Концепции национальной безопас-

¹ Яновский Р. Мировоззрение и бесструктурное управление // Безопасность Евразии. 2006. № 1. С. 39.

² Там же. С. 40–41.

ности РФ от 10 января 2000 года¹, Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года от 12 мая 2009 года², наконец, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г. (далее – Стратегия-2015)³, а также в Доктрине информационной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ 5 декабря 2016 г.⁴

В отличие от предыдущего варианта для Стратегии-2015 не указан срок действия. Очевидно, это связано с тем, что динамичность социально-политической, экономической и духовной ситуации, в условиях которой реализуется процесс обеспечения национальной безопасности, не позволяет в полной мере учесть на долгосрочную перспективу весь комплекс существующих и возникающих угроз. Так, в Стратегии-2015 дана краткая, но емкая характеристика ситуации на Украине, связанная с антиконституционным государственным переворотом, влияние которого на национальную безопасность России было невозможно предусмотреть в Стратегии национальной безопасности до 2020 года.

В Стратегии-2015 не только охарактеризованы практические меры по обеспечению духовной безопасности, но и изложен ряд методологических положений, способствующих углубленному пониманию этого социального феномена. В прямой постановке понятие «духовная безопасность» в этом документе отсутствует, но ее содержание отражается в таких компонентах национальной безопасности, как государственная, общественная, информационная безопасность, безопасность личности.

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901751578>

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения: 20.03.2020).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusnardom.ru/dokumentyi/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.03.2020).

⁴ Доктрина информационной безопасности РФ: утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.03.2020).

С учетом тезиса о том, что «возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности», а у «подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России», «происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности» (ст. 11), заявления некоторых исследователей о продолжающемся кризисе отечественной духовности представляются как минимум устаревшими.

Поскольку национальная безопасность выступает в качестве родового понятия по отношению к духовной безопасности, то методологически важной является характеристика национальной безопасности как состояния «защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» (ст. 6). При таком подходе духовная безопасность может трактоваться как состояние защищенности духовного потенциала личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом *сущностные характеристики духовной безопасности находят наиболее глубокое выражение* в национальных интересах Российской Федерации в духовной сфере. В Стратегии-2015 система этих интересов отражена в наиболее концентрированном виде.

В числе тех *национальных интересов на долгосрочную перспективу*, которые непосредственно связаны с духовной безопасностью, отмечено «сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ст. 30), а в числе *стратегических национальных приоритетов*, реализация которых позволяет обеспечить национальные интересы в духовной сфере, выделены наука, технологии, образование, культура (ст. 31).

Из системы национальных интересов вытекают *стратегические цели* обеспечения духовной безопасности, достижение которых реализуется, прежде всего, в сфере культуры и представляет собой духовные основания идентичности народов России, а именно:

- сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества,
- воспитание детей и молодежи в духе гражданственности;

- сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны;

- повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве (ст. 76).

В этом документе традиционные духовно-нравственные российские ценности находят весьма конкретное определение: это «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (ст. 79).

Важнейшие направления обеспечения духовной безопасности в Стратегии-2015 сформулированы в разделах «Наука, технология и образование» и «Культура» следующим образом:

- повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей;

- повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий (ст. 70);

- признание первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей,

- укрепление единства многонационального народа Российской Федерации;

- обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия;

- осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости;

- создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного

развития в систему образования, молодежную и национальную политику;

- расширение культурно-просветительской деятельности;
- усиление государственного контроля за состоянием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры);
- повышение ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны;
- совершенствование системы подготовки специалистов в области истории и культуры, а также их социального обеспечения;
- использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества (ст. 82) и др.

Ряд важных направлений указывает Доктрина информационной безопасности:

- нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества (ст. 21);
- нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей (ст. 23) и др.

Достаточно конкретно в рассматриваемом документе сформулированы *реальные угрозы духовной безопасности России*, отражающие многогранную деятельность сил, противодействующих интересам Российской Федерации: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры (ст. 79).

«Концепция информационной безопасности» существенно дополняет этот список угроз применительно к возможностям информационного воздействия: «Различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и

общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры» (ст. 13).

Таким образом, в Стратегии-2015 и «Концепции информационной безопасности» обобщены выводы многих российских исследователей, анализирующих проблемы духовной безопасности, отражены официальные государственные взгляды на решение важнейших проблем национальной безопасности. Этот документ дает ответ на ряд важнейших методологических вопросов, связанных с исследованием и практическим обеспечением духовной безопасности.

Вопросы и задания

1. Сформулируйте понятие идентичности.
2. В чем различие эссенциалистского и конструктивистского подходов к определению идентичности?
3. Охарактеризуйте виды идентичности.
4. В чем причины общественного и научного интереса к проблематике идентичности?
5. Что такое национальная идентичность и каково ее место в структуре духовности?
6. Каково содержание процесса национальной идентификации?
7. В чем проблема лингвистической безопасности России?
8. Какова взаимосвязь духовности и идентичности?
9. Каковы основные направления формирования российской идентичности?
10. Сформулируйте основные положения Стратегии национальной безопасности и Доктрины информационной безопасности России относительно формирования духовной безопасности и национальной идентичности нашей страны.

Литература

Доктрина информационной безопасности РФ: утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901751578> (дата обращения: 20.03.2020).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения: 20.03.2020).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusnardom.ru/dokumentyi/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 20.03.2020).

Арефьев А.Л. Сжимающееся русскоязычие. Демографические изменения – не на пользу русскому языку // Демоскоп Weekly. № 571–572 (14 окт. 2013).

Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманов З.Р. Российская государственно-национальная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2019. № 1.

Борьба за идентичность и новые институты коммуникации / отв. ред.: П.В. Панов, К.С. Сулиное, Л.А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2012.

Гудалов Н.Н. Национальные идентичности и международные отношения: нужно ли «изобретать» конструктивизм заново? // Полис. Политические исследования. 2017. № 4.

Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции / редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017.

Карнишина Н.Г. Триада: национальная идентичность – государственная идеология – политическая культура в современной России // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 3 (19).

Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. Национальная культура – основа национальной идентичности в глобализирующемся мире // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2.

Кто может оспорить вклад России в мировую культуру? // Комсомольская правда. Специальный выпуск «Поправки в Конституцию – это мой выбор». 2020. Февр.

Курочкин А.В. Социальные сети как инструмент политической мобилизации: опасность манипуляции и пределы демократии // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. № 8 (3).

Ланца Д. Национальная идентичность России: вчера, сегодня, завтра // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1.

Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Перспективы развития русского языка и русской культуры в современных условиях // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 3.

Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005.

Мамедова Н.М. Российская идентичность: спонтанное и сознательное // Российская идентичность: социокультурный контекст: сб. науч. ст. по итогам Международной научной конференции, 15 нояб. 2019 г. М.: Русайнс, 2019.

Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Насонова Л.П., Лазебный Л.И. Российская идентичность и ее аспекты // Российская идентичность: социокультурный контекст: сб. науч. ст. по итогам Международной научной конференции, 15 нояб. 2019 г. М.: Русайнс, 2019.

Никипорец-Такигава Г.Ю. Интернетизация политического пространства: теоретическая концепция, системный и структурно-функциональный анализ существующих моделей и прогноз развития: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2019.

Пчегатлук С.К., Просолова Т.И. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность // Научные труды КубГТУ. 2019. № 54.

Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Красина, А.Б. Вебера, А.А. Галкина. М.: Аспект Пресс, 2017.

Регнацкий В.В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1.

Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред.: М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; ИКСИ РАН. М.: Наука, 2005.

Феофанов К.А. Влияние глобализации на цивилизационное развитие России // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2.

Халеева И.И. Государственно-политические аспекты лингвистической безопасности России // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76, № 2.

Шулындин Б.П. Исторический путь России в аспекте цивилизационного и формационного подходов // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2.

Глава 4 Цивилизационная идентичность в системе национальной безопасности

4.1 Проблема цивилизационной идентичности современной России

В классическом цивилизационном дискурсе цивилизация рассматривается как одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное сообщество стран и народов, своеобразие которого обусловлено социокультурными причинами¹.

Если для общественно-экономической формации преимущественным критерием является способ материального производства, то специфика цивилизации, не отказываясь от учета материальных отношений общества, более тяготеет к выделению духовных аспектов и критериев. В числе таких аспектов чаще всего выделяют:

- специфическую общественно-производственную технологию;
- общественно значимые духовные ценности, своеобразную философию общества;
- обобщенный образ мира, сложившийся в общественном сознании (нередко он соответствует определенной религии);
- специфический образ жизни народа, базирующийся на сложившейся морали, духе народа, его самосознании.

Говоря о соотношении культуры и цивилизации, мы придерживаемся той точки зрения, что понятие «цивилизация» в первую очередь определяет уровень и результат поступательного развития общества, в то время как «культура» выражает механизмы и процессы освоения этого уровня и достижения результата.

Культура, в соответствии с отечественной традицией, касается внутреннего мира, самого значительного в нем. Цивилизация направлена более на внешнее, полезное, материальное, второстепенное. Культура духовна, первична, творчески целенаправленна, органична. Цивилизация технична, вторична, механистична, ве-

¹ Философия: энцикл. слов / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. С. 972.

щественно и инструментально создаваема. Цивилизация имеет дело с вопросом «как?», а не «что?». Культура движется к совершенству человека, цивилизация – к обустройству окружающего человека мира¹. Культуру нужно связывать с самоорганизацией духа, миром духовности, а цивилизацию – с гражданским, общественным устроением жизни, системой ценностей. Цивилизацию можно уподобить телу общества, а культуру – ее душе².

Рассматривая элементы, составляющие цивилизацию, Л.Д. Чернышова справедливо подчеркивает особую роль определенного этноконфессионального ядра, язык и культура которого оказывают решающее влияние на интеграцию всех элементов цивилизации в единое целое, на создание общих для всех частей цивилизации символических систем. Именно ядро во многом определяет характер и особенности цивилизации, ее отличия от других цивилизаций, ее идентичность³.

Ввиду этого важной мировоззренческой проблемой, имеющей также и практическое значение, является проблема определения *цивилизационной идентичности*, которая не просто раз и навсегда дает количественные характеристики той или иной социальной общности, а показывает качественное измерение, подверженное трансформации во времени (усилению, ослаблению, изменению).

В исторических и историко-политических исследованиях цивилизационная идентичность используется как концепт, указывающий на принадлежность индивида, этноса, нации к определенной локальной цивилизации (включая цивилизации Древности, Античности и Средневековья). В современной философии, социологии и политической науке под цивилизационной идентичностью понимается отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса или государства с той или иной

¹ См.: Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. II. С. 590–592.

² Ирхин Ю.В. Ценностно-идеологические и структурно-функциональные подходы к анализу национальной идеи // Научный эксперт: ежемес. науч. электрон. журн. М.: Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования, 2011. Вып. 1/2. С. 62. URL: <http://www.rusrand.ru/text> (дата обращения: 20.03.2020).

³ Чернышова Л.Д. Ценностные основания российской цивилизации // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегод. / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2008. Вып. 3, ч. 1. С. 74.

локальной цивилизацией – общностью, по преимуществу привязанной к определенному географическому ареалу и выступающей носителем таких технологий, идеологий, ценностей, культурных норм и социальных практик, которые имеют свою ярко выраженную специфику, но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость¹.

Цивилизационная идентичность существовала на протяжении многих тысячелетий – с тех пор, как возникли древнейшие цивилизации, такие как древнеегипетская, древнеиндийская или китайская (конфуцианская). Исследованию огромных жизненных циклов культур и цивилизаций посвящены классические труды О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби. Локальные цивилизации и соответствующая цивилизационная идентичность существуют и в современном мире: достаточно упомянуть выделенные видным американским политологом С. Хантингтоном западную, православную, исламскую, конфуцианскую, индуистскую, латиноамериканскую и другие цивилизации.

Цивилизационная идентичность представляет собой одну из наиболее общих и фундаментальных составляющих идентичности (более общим является только осознание индивидом своей принадлежности к человеческому роду) и одну из наиболее постоянных, «константных», существующих на протяжении огромного периода времени способов отнесения себя к какой-либо человеческой общности. Поскольку каждая локальная цивилизация тесно связана с определенной религией, цивилизационная идентичность взаимодействует и переплетается с религиозной идентичностью. Вместе с тем в отличие от религиозной идентичности цивилизационная идентичность включает не только традиции и обычаи, но и светские культурные нормы построения сложным образом интегрированного сообщества; благодаря этому определенная цивилизационная идентификация присуща также и неверующим людям. Цивилизационная идентичность проявляется у человека или у социальной группы по большей части тогда, когда происходит взаимодействие с человеком или социальной группой,

¹ Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. С. 143.

принадлежащими к иной локальной цивилизации, когда возникает необходимость понять свое место, место своей страны и культуры в мире, соотнести их с другими культурами, увидеть различия или сходные черты между цивилизациями, которые приводят к конфликтам или, наоборот, к мирному существованию.

В современную эпоху цивилизационная идентичность представляет собой гораздо более динамичное и многогранное явление, чем в Античную и Средневековую эпохи, что связано с процессами глобализации, резким усилением социальной мобильности, изменением географических границ локальных цивилизаций. Она связана с процессами самоопределения индивидов, социальных групп, регионов, народностей, наций на основе переоценки собственного культурного, цивилизационного и исторического опыта и опыта других цивилизаций с целью поиска путей цивилизационного развития, отвечающего современным вызовам и угрозам.

Цивилизационная идентичность, в частности, указывает на то важное обстоятельство, что культурные процессы в современную эпоху глобализации и регионализации не только играют важную роль в жизни отдельного человека, социальной группы, нации и человечества в целом, но и существенно влияют на внутреннюю и международную политику, экономику, социальную сферу всех без исключения обществ, оказывают значительное воздействие на природу и функционирование социальных институтов.

Именно с этим обстоятельством связаны драматические, а нередко и трагические последствия попыток насильственно перенести социальные институты (например, демократические и рыночные институты), эффективно функционирующие в рамках западной цивилизации, на страны исламской и некоторых других цивилизаций. Нежелание учитывать культурные и социальные нормы, складывавшиеся веками и характерные для данной цивилизации, как и не слишком обоснованные представления о существовании единой глобальной цивилизации, могут привести (и уже приводят) к тяжелейшим междоцивилизационным и этносоциальным конфликтам.

Главный критерий цивилизации – это не только обычаи и традиции, но и наличие определенного набора трансцендентных представлений о бытии, времени, вечности, смысле существования и т. д. Ключевой момент в определении сущности той или

иной цивилизации – исследование ее, по определению В.Л. Цымбурского, «сакральной вертикали», т. е. религиозных или идеологических представлений, определяющих культурную, геополитическую и социальную практику¹.

Присутствует ли в связи с этим специфика российской цивилизационной идентичности, и если да, то в чем она состоит?

Рассчитывать на непредвзятое решение вопроса о культурно-цивилизационной самобытности России возможно лишь при выработке соответствующих универсальных сравнительных критериев. В известном исследовании отечественных авторов² сделана попытка формирования работающей методологии подобной оценки, которая должна быть поддержана, но не отвечает на все важные теоретические и практические вопросы определения идентичности.

Понятие «самобытность» традиционно связывается со своеобразием, способностью идти своим путем, самостоятельностью в своем развитии³. Самобытность – это существенное и постоянное проявление тех компонентов культурного достояния данного общества, которые оказываются функционально необходимыми на новых этапах его существования, обеспечивая его самосохранение и идентичность при всех изменениях в нормативно-ценностной и смысловой сферах. Самобытность можно определить и как способность поддержания присущих данному обществу принципов социокультурной регуляции в различных ситуациях⁴.

Казалось бы, чего проще – определить присущие данному обществу принципы социокультурной регуляции и сравнить их с подобными в других странах и культурах. Однако в российской истории и общественной науке нет единого мнения относительно самих принципов и их толкования.

¹ См.: Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.

² Фундаментальные и актуальные проблемы цивилизационногенеза: тр. Центра проблем. анализа и гос.-управл. проектирования // Научный эксперт. ежемес. науч. электрон. журн. URL: http://www.rusrand.ru/text/Trud_center_18 (дата обращения: 23.03.2020).

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994. С. 683.

⁴ Энциклопедия культурологии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/632 (дата обращения: 23.03.2020).

В своих работах В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин обосновывают позицию, что цивилизации фиксируют вырабатываемые тысячелетиями фундаментальные особенности и основания разных сторон жизнедеятельности людей. В этом смысле правомерно говорить о социальных цивилизационно-ценностных генетических кодах, сходных по существу с биологическими кодами живых организмов. Поэтому если понимается, что в биологическом случае генетические мутации приводят к уродствам и гибели организма, то ровно так же попытки вторжения в социальный цивилизационно-ценностный генетический код приводят к не менее опасным общественным и институциональным последствиям¹.

В оценке цивилизационного «генетического ядра» будем исходить из положения, что базовыми ценностями для цивилизации будут те, которые не меняются на протяжении длительного времени и разделяются большинством общества. Наличие (или отсутствие) цивилизационных особенностей российского общества позволило бы более точно определить особенности его культуры и, как следствие, содержание возможных вариантов решения важных социальных задач и укрепления национальной безопасности.

Проблемы определения места России в мировой цивилизации, выявления значений западного и восточного культурного наследия для культуры в России, как известно, ставились на протяжении последних веков. Темы, поднятые в дискуссиях западников и славянофилов Л.Н. Гумилевым, Н.Я. Данилевским, Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, евразийцами и другими авторами, продолжают обсуждаться современной российской общественностью. Это не случайно, так как определение задач развития России во многом зависит от учета своеобразия ее цивилизационных особенностей, степени их устойчивости и влияния на социально-политические процессы.

Данная проблема, опирающаяся в своем решении в числе прочего на ценностные основания, дискуссионна; сторонники одних позиций зачастую оценивают точки зрения других в терминах «мифологизированности» и «ненаучности» и пр.

¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений: М.: Науч. эксперт, 2008. С. 6.

Например, как отмечает Р. Соколова, полученные результаты в ходе осуществления исследования, проведенного в 1993 г. в более чем 60 странах планеты, основанного на эмпирических данных с применением специальных методик по так называемому проекту GLOBE, позволяют сделать вывод: национальные культуры российской Евразии своеобразны и далеки как от западно-центрально-европейских, так и от северо-американско-англосаксонских. «Европейскость» России – это иллюзия, навязанная нашему обществу извне и изнутри, причем иллюзия, имеющая глубокие исторические корни и до сих пор сохраняющаяся в виде определения России как «европейской страны» или указания траектории ее движения как «пути в Европу»¹.

В известном сравнительном исследовании политических и социальных культур разных стран отмечается, что Россия, о чем ясно свидетельствуют результаты проведенного исследователями кластерного анализа, не входит ни в одно из европейских культурных семейств, поскольку она сама по себе – семейство культур, уникальная цивилизация². Сделан вывод, что хотя российская система нравственных стандартов в значительной степени совпадает с европейскими, российская система культурных кодов, впитывая в себя элементы морали и этики из культур своих азиатских соседей, развивалась самостоятельно и независимо от атлантической цивилизации, по крайней мере, значительную часть исторического времени.

К числу российских особенностей, определяющих специфику реформирования страны, Институтом экономики РАН отнесены:

- вторичность материально-экономических факторов, высокая роль неэкономических факторов успеха, моральных, духовных стимулов к труду;
- сакральное отношение к государству и его интересам как к высшей ценности;

¹ Соколова Р.И. Российская цивилизация как проблема // Научный эксперт: ежемес. науч. электрон. журн. М.: Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования. 2010. Вып. 7/8. С. 50. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal7/8_2010.pdf. (дата обращения: 23.03.2020). См. также: Ковалев А.М. Евразийская цивилизация и пути развития России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3. С. 3–20.

² Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М: Совпадение, 1998. С. 324.

– традиции отношения к богатству, собственности в духе коллективизма и общинности, равенства и социальной справедливости;

– соборность, понимаемая как общенациональный, всеобщий, межкорпоративный, межконфессиональный способ выработки и утверждения общенациональных ценностей достижения национального согласия¹.

Однако в то же время достаточно распространена точка зрения, что сегодня Россия цивилизационно несостоятельна, вопреки мнению почвенников, самодостаточной цивилизацией она никогда не была и раньше. Но если в прошлом она выдвигала самобытные проекты, хотя ни один из них стратегической жизнеспособности не обнаружил, то на сегодня у России нет даже цивилизационного проекта. Потому что все возможности самобытного проектирования она исчерпала, а освоить европейские правовые стандарты оказывается не в состоянии².

Попробуем исходить из того, что конкретное общество формируется в определенных условиях своего природно-географического расположения и характеризуется четырьмя сторонами социальности: экономической, социальной, политической и духовной. С социально-философских и политологических позиций оценить параметры идентичности, самобытность и цивилизационную состоятельность как способности обладать и воспроизводить выраженные социокультурные качества можно по следующим основаниям:

– наличие природно-географических условий, определяющих специфический характер развития общества;

– развитость экономики, способной обеспечивать самостоятельное развитие, характеристики типа ее развития (соотношение рыночных – мобилизационных механизмов);

– необходимое количество населения, обеспечивающего внутренний рынок;

¹ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред.: А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллект. кн., 2003. С. 73.

² Клямкин И. История государства и история народа не тождественны // Политический класс. 2005. № 7. С. 57.

– специфика политического устройства (степень проявления в политической жизни и устройстве страны таких принципов, как моноцентризм власти – полицентризм; имперская форма – национальное государство; автократический характер общественных институтов – демократический тип и др.);

– особенности социальной культуры (способы и результаты решения базовых социальных вопросов: солидарность – индивидуализм; личность – общество; кооперация – конкуренция; справедливость – социальное неравенство; государственный патернализм – автономность индивида);

– специфический набор базовых ценностей, определяющих своеобразие культуры, наличие своего образа мира;

– консолидация правящего класса вокруг идеи самобытности, отсутствие перманентных раскалывающих общество идеологических споров по вопросу прошлого, настоящего и будущего страны и др.

Несмотря на различные взгляды на цивилизационную природу России, существует согласие большинства отечественных ученых относительно наличия специфики социокультурного развития России, указываются и факторы различного характера, определяющие ее. Например, среди природно-географических чаще всего упоминаются следующие:

– характеристика России как сухопутной страны, что формирует иной, чем западный, характер экономики;

– холодный российский климат, который ведет к низкому прибавочному продукту, особому участию государства в распределительных отношениях, мобилизационному типу деятельности русского работника, государственному покровительству и патернализму в отношении экономики;

– обширность пространства и ресурсов, высокая распыленность российского населения, стимулировавшие экстенсивные методы общественного воспроизводства;

– территориальная и культурная пограничность, необходимость постоянной борьбы за сохранение суверенитета.

Территориальные факторы обуславливают наличие стремления как к сохранению самобытности, так и к открытости внешним влияниям, ценностно-смысловой неопределенности, особого типа социальных инфраструктур в России, имманентной пред-

расположенности к социально-патерналистским формам жизнедеятельности общества¹.

Факторы политического порядка состоят в том, что в силу своей историко-генетической обусловленности политическая организация России представляет собой сильную централизованную власть с приоритетом исполнительной власти над законодательной. В.В. Ильин, А.С. Ахиезер подчеркивают, что державность, абсолютизм и авторитаризм вверху в сочетании с общинностью и коллективизмом внизу есть неотъемлемая черта российской цивилизации².

Специфическая роль государства в России обуславливалась рядом продолжающих свое действие обстоятельств. Во-первых, к ним относилась высокая степень дисперсности населения, несопоставимость наличных людских ресурсов с пространственными параметрами, требующая поддержания территориальной целостности за счет включения фактора государственных скреп. Во-вторых, эта обусловленность связывалась с догоняющим типом российского развития, необходимостью форсированной ликвидации технической отсталости от Запада, достигаемой посредством государственной мобилизации сил. В-третьих, особая роль государства в России определялась влиянием военной угрозы независимости страны.

В этих условиях сложилась система ценностных ориентаций, когда признается приоритет целого над частью, ведущая роль государства, обеспечение военного могущества, обороны и безопасности страны, патернализм как смысл деятельности государства.

Подданнический тип политической культуры, закономерно вытекающий из подобной цивилизационной матрицы, характеризуется отношениями однородной зависимости индивида от власти, ожиданиями политики патернализма, заботы о материальном и социальном благополучии и обеспечения безопасности, сильной

¹ См.: Кондаков И.В. Ментальная доминанта российской цивилизации // Философские науки. 2010. № 3. С. 24–25; Альтернатива современной геостратегии России: выбор между Западом и Востоком: материалы науч. семинара. М.: Науч. эксперт, 2010. Вып. 5 (35). С. 120–122. URL: http://www.rusrand.ru/text/Gos_upr_vyp_5%2835%29.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

² Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 23.

социальной политики и социальных гарантий¹. Подобная характеристика социальной культуры нашего общества, сделанная на основе изучения российской истории, перекликается с выводами современных исследований социальных и политических процессов в России.

Отечественные ученые отмечают, что кроме государственности в основе исторически сложившейся структуры российского общественного сознания лежит доминирование культурной (в частности, языковой) идентичности над этнической². На это же обстоятельство указывает А.С. Панарин, подчеркивая, что драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной³.

В позиционировании себя как суверенной цивилизации, имеющей собственный духовный стержень, собственную парадигму, Россия опирается на православную традицию, которая, подобно русскому ядру в этнической жизни России, образует основополагающее измерение всей русской культуры. При этом есть все основания считать Русскую православную церковь в качестве общественного института, укрепляющего ее целостность. Современная Россия является многоконфессиональной страной, и Конституция гарантирует гражданам свободу вероисповедания, однако именно Русская православная церковь являет исторически обусловленным институтом, консолидирующим большую часть общества.

Далее попытаемся определить наличие обстоятельств, позволяющих претендовать на обладание собственным цивилизационным качеством дореволюционной России, как до-, так и имперского периода, СССР, России с начала 1990-х гг. до настоящее-

¹ Леонова О.Г. Цивилизационные аспекты российской государственности // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегод. / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2008. Вып. 3, ч. 1. С. 42.

² Российское государство в системе религиозных и светских ценностей: материалы науч. семинара. М.: Науч. эксперт: ежемес. науч. электрон. журн. М.: Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования, 2008. Вып. 8. С. 66. URL: <http://www.rusrand.ru/Gum8.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).

³ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире // Библиотека думающего о России. URL: http://www.patriotica.ru/religion/panarin_prav_.html (дата обращения: 23.03.2020).

го времени. Сравнения проиллюстрированы положениями, представленными в таблице.

Признаки самобытности российской цивилизации

Признаки	Дореволюционная Россия	СССР	Российская Федерация с 1990 г.
Особый характер природно-географических условий, влияющий на характер общественных институтов	Северная и Центральная Евразия		Северная Евразия
Развитость внутреннего рынка, способность экономически обеспечивать самостоятельное развитие	Присутствует		Возможна в рамках широкого евразийского экономического союза
Необходимое количество населения, обеспечивающего внутренний рынок, развитость человеческого потенциала	Присутствует		Возможны в рамках широкого евразийского экономического союза
Специфика политического устройства	Присутствуют автосубъектность и моноцентризм власти, имперская форма государства, преимущественно автократический характер общественных институтов		Находится на переходном этапе к провозглашенным в Конституции РФ базовым принципам европейского типа («либерально-демократическая» модель политического устройства)
Специфика социальной культуры	Присутствует приоритет ценностей: солидарности, кооперации, общественных интересов, справедливости, государственного патернализма		Находится на переходном этапе к провозглашенным в Конституции РФ базовым принципам европейского типа (приоритет прав личности). Атомизированный характер социальной культуры, процессы выработки проекта формирования российской социальности
Наличие своего особого образа мира, специфика базовых ценностей, «сакральной вертикали»	Россия – третий Рим, миссия – указание пути духовного развития	Россия – носитель проекта коммунистического будущего	«Универсальный» проект правового государства. Первые признаки возрождения концепта российской духовной традиции, ценностей нравственности, справедливости и солидарности
Православные – светские ценности	Православие – идейный стержень государственного строительства	Коммунистическая идеология – основа построения общественных институтов	Либерально-консервативная идеология – основа построения общественных институтов
Консолидация правящего класса вокруг идеи России как самобытной цивилизации	Присутствует на протяжении большого периода	Присутствует на протяжении большого периода	Первоначальный этап формирования общественного консенсуса и элитного согласия относительно российской самобытности

Анализ этих признаков позволяет сделать вывод о том, что своеобразный характер развития российского общества на протяжении веков объяснялся объективными обстоятельствами природно-географического характера, спецификой сформировавшейся в этих условиях политической и социальной культуры и, что следует особо заметить, подкреплялся культурно-идеологическим выбором правящего класса.

После распада СССР и формирования Российской Федерации как нового субъекта мировой политики сложилась иная ситуация. Суть ее заключается в том, что базовые принципы организации жизни страны явились результатом сложившегося в то время соотношения политических сил и не отражали специфику исторических констант российской цивилизации.

Из анализа таблицы следует, что такие признаки, как развитость внутреннего рынка, способность экономически обеспечивать самостоятельное развитие, необходимое количество населения, обеспечивающего внутренний рынок, развитость человеческого потенциала, не могут быть изменены в короткие сроки, в то же время они не являются величиной постоянной. При необходимости на то политической воле общества и его элиты, а также соответствующей политике вполне возможно их наполнение позитивным содержанием.

Наличие своего особого образа мира, специфика базовых ценностей, «сакральной вертикали» способны содействовать консолидации правящего класса и общества в целом вокруг идеи России как суверенной и самобытной страны. Последствия данного выбора для политики государства состоят в том, что политические, социальные, культурные модели и институты выстраиваются в соответствии с проектом национальной идентичности. В условиях развития России как самобытной цивилизации растет и присущая ей социальная культура, используются органичные модели укрепления безопасности.

4.2 Потенциал идентичности в укреплении социокультурной безопасности России

Указанные выше обстоятельства имеют важное значение и для выяснения проблем цивилизационных аспектов национальной безопасности нашей страны. В публикациях российских ученых, выступлениях руководства России последних лет, в содержании поправок к Конституции РФ намечены концепты и некоторые шаги к укреплению традиционных российских базисных ценностей и их реализации в общественной жизни¹.

Однако они должны быть приняты широкими слоями населения и элитными кругами, должны найти последовательное, согласованное подтверждение в политической, социальной и культурной практике, их содержание и результаты не должны зависеть от сложившегося в тот или иной момент времени соотношения политических сил.

Неотъемлемой чертой отечественного поиска идентичности на протяжении последних 300 лет является перманентное отсутствие общественного согласия относительно ее базовых принципов, когда сущность и составляющие выстраиваемой идентичности оспариваются влиятельными кругами как самой власти, так и общества (пожалуй, за исключением конца 1930-х – 1970-х гг.).

¹ См., например: Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 134–139; Меняющаяся социальность: контуры будущего: круглый стол журн. «Полис» и Ин-та филос. РАН / В.Г. Федотова // Полис. Политические исследования. 2011. № 11. С. 97–121; Федоров В. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы / ВЦИОМ. М., 2013; Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И.В. Кондаков, К.Б. Соколов, Н.А. Хренов. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.; «Цивилизационные изменения». Что означает послание президента Путина для союзников России. URL: <https://eurasia.expert/tsivilizatsionnye-izmeneniya-chto-oznachaet-poslanie-prezidenta-putina-dlya-soyuznikov-rossii/> (дата обращения: 20.03.2020); Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://news.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 12.03.2020). Президент РФ Владимир Путин на XVI пленарном заседании дискуссионного клуба «Валдай» 3 октября 2019 г. отметил, что Россия очень дорожит сохранением одновременно самобытности и общности живущих в ней народов. В известном смысле это страна-цивилизация, которая органично впитала многие традиции и культуры, сберегла их своеобразие, уникальность и при этом сохранила, что очень важно, единство живущих в ней народов. URL: <https://tass.ru/politika/6960522> (дата обращения: 12.03.2020).

Ведущие политические силы страны, общественные течения пока что не преуспели на пути выявления образа страны, явно отличающего ее от других, обладающего реальным культурным и цивилизационным своеобразием и политическим потенциалом.

Определение идентичности в наиболее артикулированном, либеральном дискурсе осуществляется через отрицание «недемократического имперского прошлого», «тоталитарного советского опыта», якобы «авторитаризма 2000-х» и т. д. Идентичность при этом формулируется преимущественно через характеристики политического режима, при котором чем ближе к «универсальной модели демократии», «столбовой дорожке цивилизации», тем яснее и «чище» идентичность (в данном случае западного типа). В этом случае российская идентичность не является чем-то оригинальным, а является калькой с опыта становления идентичности стран второго эшелона «догоняющей» модернизации.

В левом, социал-коммунистическом проекте желаемая идентичность строится вокруг социальных достижений и принципов государства позднего сталинского и брежневского периодов, не воспроизводимых в современных условиях.

Для сил, именующих себя консервативными и откликающихся на державно-патриотический запрос общества, базисными чертами российской идентичности являются могущество, суверенитет, патриотизм, самобытность, динамичное развитие. Другое дело, что подобные характеристики присущи любому крупному субъекту мировой политики и не являются чем-то исключительным. Вопрос состоит в идеологическом, шире – культурно-цивилизационном оформлении подобного проекта и содержательной наполненности пресловутой «самобытности».

Дискурс идентичности России как государства «русского народа» не имеет весомых исторических традиций, сильных политических и общественных субъектов, его отстаивающих, не является доминирующим в массовом сознании общества и не поддерживается правящими элитами.

Проект же развития Союза России, Украины, Белоруссии и Казахстана, потенциально обладавшими национальной, культурно-цивилизационной близостью, со взаимодополняемостью экономик

первоначально не принимался в расчет, а в настоящее время политические условия для него уже отсутствуют.

Определенным политическим потенциалом обладает имеющий социально-культурные и исторические корни, достаточно длительные этапы утверждения, пользующийся интуитивной поддержкой современного массового сознания российского общества проект «имперского евразийства».

Россия-Евразия есть обособленное и целостное «месторазвитие» – этим ключевым в евразийской теории понятием П.Н. Савицкий обозначил социально-политическую среду, рассматриваемую неотрывно от ее территории¹. Исходя из места развития Российского государства, сущность и предназначение России евразийство видит в содружестве близких цивилизаций и культур, в удерживании Суши в противостоянии с цивилизацией Моря.

На стороне подобной точки зрения – социокультурная близость, идейная притягательность, оригинальность, теоретическая проработанность, опора на православие и другие традиционные конфессии нашей страны, потенциал развертывания и применимости во всех сферах общественной жизни – культуре, социальной жизни, экономике, политике и др. Основные проблемы, мешающие его реализации, – отрицающая его позиция значительной части элиты, настроенной на «европейский выбор» России, слабость политических субъектов, отстаивающих проект, и др.

Другие авторы утверждают принадлежность России к западной – евроамериканской – цивилизации, но в качестве особой – восточнохристианской – ее части. Как отмечает В. Межуев, Россию трудно представить как особую, окончательно сложившуюся, отличную от западной, цивилизацию². Россия – не просто одна из многих западноевропейских стран, а страна, равновеликая Западной Европе, тоже Европа, но Восточная. Она – часть большой Европы, которая состоит из двух половин (западной и восточной), одна из которых тяготеет к правовому формализму, рациональной организации общества, а другая – к поиску моральных, духовных оснований общественной жизни.

¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

² Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 325.

По А. Дугину, русский исторический субъект – это европейский субъект, освоивший евразийское пространство; русские ценности – это европейские христианские ценности, а не исламские, буддийские или конфуцианские, и не их смесь с христианскими; русская власть – это не восточный деспотизм, не системная, а субъектная форма власти. Россия – это именно европейский и христианский субъект, альтернативный Западу, который стремительно дехристианизируется и деевропеизируется¹.

Не будет преувеличением сказать, что противоречивость и болезненность преобразований постсоветской России, достижения необходимого качества социальной стабильности во многом обусловлены неразрешенной проблемой культурной, гражданской идентичности, отсутствием единства общества и власти относительно цивилизационной, культурной, геополитической специфики страны.

Можно согласиться с С.В. Картуновым, утверждающим, что отсутствие стратегической самоопределенности, утрата государственной идентичности, чувства национального самосознания ведет, как показывает всемирная история, к неспособности четко формулировать и отстаивать национальные интересы, к их неизбежной подмене либо несбыточными, либо ущербными идеями и целями². Справедливо утверждение, что изменение идентичности представляет собой технологию решения геополитических проблем и хозяйственно-экономических задач³.

В целом указанные проекты идентичности можно объединить в две группы, различающиеся в главном: определении России как самодостаточной (евразийской) нелиберальной цивилизации или части либеральной евро-американской, западной (в форме «православной ветви европейской христианской цивилизации»). Именно этот, продолжающийся несколько последних столетий и

¹ Россия и Запад: что разделяет?: материалы науч. семинара // Научный эксперт: ежемес. науч. электрон. журн. М.: Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования, 2009. Вып. 7 (16). С. 99. URL: http://www.rusrand.ru/text/Gum_nauka_vyp_7%2816%29.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

² Картунов С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 6.

³ Воропай Т.С. Между глобализацией и масскультурой // Философские науки. 2009. № 10. С. 18.

до сих пор нерешенный спор определяет направление и способы социального развития, поддержания безопасности российского общества.

В чем состоит значимость его разрешения и как проявляются его последствия в проблематике национальной и, в первую очередь, социокультурной безопасности?

Важнейшим элементом механизма социального развития выступает процесс его детерминации, что находит выражение в наличии совокупности принципов, идей, взглядов на его место, роль, характер. Социокультурные элементы политики, к которым относится также содержание и уровень сформированности культурно-цивилизационной идентичности, оказывают существенное воздействие на процессы постановки целей и определения принципов достижения национальной безопасности, его нормативно-правовых основ, выбор основных средств и способов, определение внутри- и внешнеполитических приоритетов.

От решения вопросов достижения общественного согласия относительно идентичности российского общества главным образом будет зависеть формирование условий достижения политической и социальной стабильности, перспектив дальнейшего развития страны. На выработку общезначимой стратегии должны быть направлены первоочередные политика государства и усилия общественных структур. Основной их смысл должен состоять в более активном и заинтересованном участии общества, государства в формировании базовых предпосылок согласия относительно идентичности и цивилизационной определенности России, что создает, в свою очередь, исходные основы отношения к прошлому и перспективам будущего, принципы социальной, культурной, образовательной, информационной политики. Речь идет, в частности, о том, что распространение и обоснование в информационном, культурном, образовательном пространстве концепта цивилизационно-культурной состоятельности России может заложить основы органичной социальной сплоченности общества.

Слом (как показал опыт общественного развития России во второй половине 1980-х – 1990-х гг.) идентичности означает скатывание в хаос, где отсутствуют безопасность, выверенная политика, нацеленная на поддержание целостности социума, развитие

его социальной культуры, укрепление солидарности. Вместе с тем «культивирование» идентичности – мера крайне необходимая, но недостаточная. Ответы на вопросы: кто мы, куда и зачем идем, должны быть созвучны чаяниям народного большинства, представлениям людей о должном, справедливом, соответствовать историческим традициям, обладать энергетическим общественным потенциалом, быть способны подвигать массы на крупные общественные свершения.

Фундаментальное препятствие для устойчивого развития России и достижения необходимого качества безопасности составляют преимущественно не так называемые объективные внешние факторы (гео- и внешнеполитического характера и др.), а социокультурные расколы, иная социальная, культурная, цивилизационная идентичность, социокультурный и психологический профиль отечественной элиты, т. е. групп людей, номинально призванных принимать стратегические решения и задавать общенациональные цели. В российской культуре и цивилизации действительно имеется серьезный потенциал развития, который явно недооценивается современными интеллектуальными и политическими сообществами. Реализация данного потенциала возможна при преодолении в элитной среде неверия в политическую конкурентоспособность собственного российского цивилизационного проекта, формирование цивилизационной российской идентичности.

Исходя из анализа специфики российской социальной, духовной, политической культуры, к главным ресурсам российской цивилизации, которые могут быть востребованы в процессе социального развития страны и укрепления ее безопасности, можно отнести следующие:

- опыт проведения сплочения разнородных этнических и экономических пространств на территории страны преимущественно несиловыми способами;
- выработку технологий социальной интеграции этнически разнородного населения и элиты, имеющийся позитивный опыт взаимодействия различных наций, религий, культур;
- стремление к достижению высших целей и способность к предельному напряжению сил;

- укрепленные в общественном сознании представления о значимости нравственности, справедливости и солидарности;
- приоритет механизмов кооперации в сравнении с индивидуализмом и конкуренцией.

Россия представляет собой государственную цивилизацию, которая при умелом использовании потенциала общества и создании условий свободной деятельности способна выстроить собственную социокультурную идентичность. Решение задач для укрепления безопасности нашего общества неразрывно связано с органичным сочетанием потенциала цивилизационной самобытности, культурной суверенности и реальной политической практики.

В заключение подчеркнем, что подход, диктуемый новыми вызовами безопасности для России – демографическими, экологическими, экономическими, – предполагает изменения в ценностных основаниях политики в направлении поддержки социальных и культурных начал в обществе, опору на национально-государственную, цивилизационную и культурную идентичность, ответственность правящего класса и поддержку со стороны общества, в жизни которого реализуются важнейшие принципы солидарной социальной культуры.

Вопросы и задания

1. Что представляет собой национальная, культурная, социальная идентичность?
2. В чем состоит механизм формирования идентичностей?
3. Какие существуют подходы к определению социокультурной идентичности нашей страны?
4. Как связана проблема определения идентичности нашего государства и обеспечения его безопасности?
5. Сформулируйте признаки самобытности российской цивилизации.
6. Назовите культурно-цивилизационные ресурсы укрепления национальной безопасности Российской Федерации.

Литература

Альтернатива современной геостратегии России: выбор между Западом и Востоком: материалы науч. семинара. М.: Науч. экс-

перт, 2010. Вып. 5(35). URL: http://www.rusrand.ru/text/Gos_upr_vur_5%2835%29.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое изд-во, 2008.

Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. М.: Аспект Пресс, 2011.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. А. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2008. № 3.

Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред.: М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; ИКСИ РАН. М.: Наука, 2005.

Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь / ред.: М.П. Мchedлов, М.К. Горшков, В.В. Горбунов. М.: Республика. 2001.

Россия и Запад: что разделяет? [Электронный ресурс]: материалы науч. семинара // Научный эксперт: ежемес. науч. электрон. журн. М.: Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования, 2009. Вып. 7 (16). Режим доступа: http://www.rusrand.ru/text/Gum_nauka_vur_7%2816%29.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Холодковский К.Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН, 2013.

Глава 5 Социальная солидарность в процессах укрепления национальной безопасности

5.1 Социальная солидарность как проявление идентичности

В условиях современной России значительную роль в социальном развитии страны призваны сыграть социокультурные механизмы обеспечения социального благополучия и безопасности населения, ориентированные на преодоление культурной дезинтеграции и духовного кризиса общества, восстановление и развитие его социокультурного потенциала. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также *сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе*.

Основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности признаются среди прочих экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение *единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране*.

Негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры усиливают, как отмечено в Стратегии, попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, *пропаганда образа жизни, в основе которого – вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость*.

Решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе связывается, среди прочего, с достижением *духовного единства многонационального народа Российской Федерации* и междуна-

родного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой¹.

Из приведенных положений можно заметить, что важное место в политике обеспечения национальной безопасности страны отдается вопросам достижения социального и духовного единства народа, поддержания политической и социальной стабильности, т. е. вопросам социокультурного характера, непосредственно затрагивающим параметры социальности современного российского общества. Это не случайно, так как достижение состояния безопасности социума невозможно без должного уровня социальной культуры, социального согласия, сплоченности и сложившейся идентичности.

Социальная культура, как следует из самого названия, является частью более широкого явления – культуры и определяется через понимание последней. Можно сказать, что социальная культура – это все то в культуре, что относится к статусным позициям, взаимодействию, взаимоотношениям людей.

В *широком смысле* социальная культура выступает как культура общественных отношений, взаимодействий индивидов, социальных групп. Такой подход преимущественно используется в отечественной научной литературе при рассмотрении данного понятия. В *узком аспекте* социальную культуру можно представить как культуру социальности (солидарности) – приоритета в сознании и поведении человека, групп, функционировании общественных институтов социальных ценностей; построения оснований жизни общества на их базе; ведущей роли социальных мотивов в поведении человека, способности людей действовать сообща, соотносить индивидуальный успех с результатами жизнедеятельности социальных групп и общества в целом, учитывать общественные, групповые, государственные интересы при реализации интересов частных.

В качестве основных социальных ценностных регуляторов общественной жизни, как известно, выступают социальные справедливость, солидарность, равенство, свобода. Эти понятия отра-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. 2009. 19 мая.

жают существующие в любом обществе способы отлаживания межличностных и межгрупповых взаимодействий, в которых накапливается социокультурный опыт выживания, самосохранения и развития (или дезорганизации и распада).

Развитая социальная культура подразумевает баланс общественного и личного, государственного и частного и т. д., характер которого индивидуален для разных стран и народов, в разные исторические периоды. Но в идеале ожидается гармоничное сочетание индивидуального благополучия и свободы с благополучием, свободой и безопасностью общества. Неотъемлемым элементом российской идентичности является стремление общества к утверждению норм и принципов социальной солидарности.

В широком смысле *солидарность*: а) особое состояние группового, корпоративного, коллективного сознания – ощущение взаимосвязи, чувство «мы», основанное на реальном положении данного сообщества во взаимодействиях с другими сообществами; б) состояние готовности данной группы к совместным акциям для утверждения собственных интересов¹.

Следует подчеркнуть, что в западноевропейской интеллектуальной традиции солидарность понимается, прежде всего, – а то и исключительно – как социальное явление, как взаимопомощь, как результат разделения труда. В русской традиции, напротив, она тяготеет к этическому, метафизическому и экзистенциальному истолкованию – как проявление соборности, всеединства, целостности и органичности бытия. В основе западноевропейского понимания солидарности лежит идея равенства, в основе русского – братства².

Социальная солидарность представляет собой результат осознания людьми общности своего социального положения, интересов, целей и ценностей, а также готовность к совместным действиям по их реализации.

¹ Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; Г.Ю. Семигин, В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 439.

² Идеология и философия солидаризма: материалы науч. семинара «Россия в историческом и мировом пространстве». М.: Науч. эксперт, 2010. Вып. 9. С. 18. URL: http://www.rusrand.ru/text/Gum_nauka_vyp_9.pdf. (дата обращения: 13.04.2020).

Онтологически реально функционирующая солидарность есть один из способов борьбы с социальной энтропией, это одна из сторон противоречия между безопасностью, порядком и хаосом, дезорганизацией, один из механизмов интеграции общественного организма.

На макросоциальном уровне политическим проявлением солидарности является развитое общественное самоуправление и действенность контроля за действиями власти. Широкое участие граждан в общественном самоуправлении способно сформировать общий консенсус, в котором один может идентифицировать себя с другим.

Солидарность в экономической сфере проявляется в развитости общественных форм собственности, степени участия государства в решении общественных задач вообще и величине государственных расходов в ВВП в частности.

Одним из духовных проявлений солидарности, ее основой выступает разделяемая большинством социума идентичность. Уровень доверия внутри групп и между группами в рамках национального сообщества становится одним из ключевых ресурсов его эффективного развития.

В социальной сфере зримым проявлением солидарности является справедливость общественного устройства, социальная сплоченность общества. Органическая (не навязанная) солидарность есть условие сплоченности, поэтому социальная сплоченность – результат функционирования солидарности.

Микроуровень проявления солидарности – взаимодействия индивидов, основывающиеся на общих ценностях и представлениях об окружающем мире, общих интересах, сложившихся структурах поддержки солидарности ради реализации совместно разделяемых целей.

В условиях глубоких изменений социальности, происходящих в современном мире, на первый план выступает вопрос о согласовании интересов, ценностей и потенциалов всех участников общественных отношений, поэтому идеи социальной солидарности обретают новое звучание.

5.2 Проблемы и перспективы укрепления социальной солидарности в современной России

Каково состояние социальной солидарности как одного из проявлений социальной культуры и характеристик идентичности современной России?

В целом на состояние социальной обстановки в Российской Федерации негативно влияют следующие факторы:

- усугубляющаяся социально-классовая дифференциация общества, низкие уровень и качество жизни большого количества граждан, наличие страт, вынужденно ориентированных на нахождение в состоянии хронической бедности, снижение прослойки «среднего класса», что уже само по себе является источником постоянной опасности;
- неуверенность в завтрашнем дне, разочарованность в жизни на фоне тяжелейших последствий либеральных реформ, особенно в социальной сфере и экономике;
- усложняющаяся социально-демографическая ситуация в стране, возрастание миграционной нагрузки и социальных рисков в этой сфере;
- стагнирующий рынок труда, низкие зарплаты, широкая распространенность «серых схем» оплаты труда, высокий уровень скрытой безработицы;
- недовольство населения качеством оказываемых услуг в сферах здравоохранения и образования, сокращение первичного звена в здравоохранении;
- замедление трудовой и социальной мобильности населения страны, включая молодежь, отток населения с окраин в центры;
- отсутствие общенациональной модели развития, замена ее национальными проектами и др.

Приведем несколько положений для иллюстрации. В современных условиях крайне важно добиться *полноценного экономического роста, роста реальных доходов граждан*. По большому счету речь идет о том, чтобы победить бедность в богатой стране. Экономический рост по-прежнему в нашей стране остается мало-заметным (1–1,5 %), а мировая и отечественная пандемия коронавируса 2020 г. вряд ли его ускорит, скорее наоборот.

Решить эту проблему в качестве драйвера экономики были призваны 33 цели национального развития и 13 национальных проектов, утвержденных «майскими указами» Президента РФ В.В. Путина в 2018 г. Но на их реализацию необходимо время, соответствующие материальные и финансовые ресурсы, сокращающиеся к тому же из-за пандемии коронавируса.

За последние 15 лет одним из самых главных недостатков проводимой в Российской Федерации социально-экономической политики остается высокий уровень бедности населения – 27 млн человек в 2003 г., 16 млн в 2015 г., более 19 млн граждан в 2017–2019 гг.¹

Не случайно в своем Послании Федеральному Собранию в 2018 г. Президент России В.В. Путин выделил проблему бедности: «Напомню, что в 2000 году за чертой бедности находилось 42 миллиона человек, это почти 30 процентов населения. В 2012 году нам удалось снизить этот уровень до 10 процентов, из-за последствий экономического кризиса бедность вновь подросла, сегодня с ней сталкивается 20 миллионов граждан, конечно, это не 42 миллиона, как в 2000-м, но также недопустимо много. Даже некоторые работающие люди живут очень скромно»².

Уровень бедности в стране (доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума) в 2018 г. составлял 12,6 %, а в первом полугодии 2019 г. уже 13,5 % населения России. Вероятнее всего, из-за потери стабильной и временной работы в период коронавируса в 2020 г. этот показатель еще больше ухудшится. Весной 2020 г. стало очевидно, что прежняя установка правительства ограничиваться в социальной политике только адресной социальной помощью уже не работает. Нужна масштабная помощь всему населению России. Необходимо срочно устранить ошибки недавнего прошлого, в том числе в сфере здравоохранения. Формула прежнего председателя правительства Д.А. Медведева³ – оказывать

¹ Бедность в России рекордно снизилась. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/03/21/156/> (дата обращения: 21.03.2020).

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2018. 2 марта.

³ Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 40. С. 25–26.

помощь тем, кто в ней нуждается (прежде всего, пенсионеры, дети, инвалиды), и дать возможность зарабатывать тем, кто хочет и может работать, — ныне работает только в ее первой части.

Далее, *Россия является сегодня страной огромного социального неравенства*, и это существенно раздражает людей. «Российский капитализм» не вводит сдержек и ограничений на большие состояния и демонстрацию своего богатства (включая поместья и замки за рубежом, яхты, драгоценности, деньги и т. д.). Зачастую богатые становятся богаче (в условиях и даже с помощью кризисов), а бедные еще беднее. В Российской Федерации наблюдается высокая дифференциация населения по доходам: в 2013–2017 гг. структура неравенства изменялась незначительно: доля дохода, принадлежащая наиболее обеспеченным 20 % населения, составляет 47,0 %.¹ А доля 1 % в национальных доходах составляет 20–25 % — на уровне США и Китая, хотя и меньше, чем в Латинской Америке².

За последние 30 лет в нашей стране произошли глубокие общественные преобразования, повлиявшие на систему ценностных ориентаций граждан, их установки и мотивы поведения. В современных исследованиях отечественных социологов подчеркивается *наличие негативной тенденции нарастания атомизации*, разрушающей переживаемое чувство общности и, как следствие, устои социальной солидарности граждан России. Стало повсеместным утверждение, что для сегодняшней России характерно глубокое недоверие людей друг к другу, к коллективным действиям и общественным институтам, включая институты власти, индивидуализация жизненных практик, низкие соучастие и взаимопомощь. На траекторию роста необходимо вернуть социальный оптимизм, которого остро недостает в российском обществе. По данным исследовательского холдинга «Ромир», россияне более пессимистичны, чем в среднем жители планеты, они скептически смотрят на экономические перспективы в стране и свои личные. В начале 2018 г. 28 % респондентов в мире считали, что год будет ростом экономического процветания, а в России таких

¹ Бюллетень Правительства РФ о текущих тенденциях российской экономики. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

² Хачатуров А. Страна неравенства // Экономика. 2018. 28 сент.

оказалось только 14 % (в 2017 г. их было 17 %), 30 % наших соотечественников сочли 2018 г. проблемным и 49 % – таким же, как и предыдущий¹.

Негативные тенденции в социальной культуре России находят выражение в утрате прежних культурных смыслов и цивилизационных критериев человеческого общежития, снижении уровня интеллектуальных и культурных запросов населения, в изменении вектора утверждающихся ценностных ориентаций, укоренении стандартов массовой культуры в образе жизни, досуге, межличностных отношениях². Об архаизации социальных отношений и социальной структуры современной России свидетельствуют факты снижения роли интеллектуального труда в производстве, уменьшения численности занятых в науке, ее финансирования, тенденции возврата к моделям архаичного самообеспечения взамен развитой системы разделения труда³.

Серьезным раздражителем в российском обществе были и остаются *состояние здравоохранения, его коммерциализация*. В мировом рейтинге эффективности здравоохранения (ежегодно публикует агентство Bloomberg) в списке стран с населением более 5 млн человек лучшими считаются Гонконг, Сингапур, а Россия находится на 55 месте, после Азербайджана, Колумбии и Иордании⁴. Проводимые в России реформы в сфере здравоохранения (так называемая «оптимизация») привели к значительному сокращению числа больниц, больничных коек и персонала в них. Только в 2015 г. было ликвидировано 41 тыс. коек, а с 2013 г. – более 100 тыс. коек, что резко снизило доступность медпомощи в стационарах. Росла и смертность в больницах. По данным фонда «Здоровье», в РФ в 2017 г., по сравнению с 2014 г., число госпитализированных пациентов уменьшилось на 817 тыс. человек, а

¹ Комраков А. Росстат нарисовал завышенные доходы // Независимая газета. 2018. 22 февр.

² См.: Меняющаяся социальность: контуры будущего: круглый стол журн. «Полис» и Ин-та филос. РАН / В.Г. Федотова // Полис. Политические исследования. 2011. № 11. С. 114–115.

³ См.: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / общ. ред. Н.И. Лапина и др. М.: Academia, 2009. С. 788.

⁴ См.: Пациенты, вы там держитесь! // Голос народа: приложение к газете «Советская Россия». 2016. 3 нояб.

количество летальных случаев при этом возросло на 27 тыс. В 2014 г. на больничных койках умерло 495 тыс. человек, а в 2015 г. – уже 519 тыс. Три четверти российских медработников считают, что «оптимизация» 2016–2017 гг. в здравоохранении привела на практике к снижению доступности медицинской помощи, а более половины врачей и медсестер утверждают, что из-за роста профессиональной нагрузки качество их работы ухудшилось (данные мониторинга Фонда независимого мониторинга здоровья)¹. Настоящим бедствием России становится нехватка врачей и медсестер, других медспециалистов. Результатом непродуманных реформ стало уменьшение числа специалистов (нехватка по всей стране порядка 30 тыс. врачей и 130 тыс. медсестер), больничных коек (на 400 тыс.) и больничных организаций². Все это стало особенно очевидным в период эпидемии коронавируса весной 2020 г.³

Указанные *тенденции к снижению социальной солидарности*, росту индивидуализма российского общества и его атомизации могут быть объяснены различными *причинами*, например объективными последствиями модернизации, в ходе которой происходит переход от традиционных ценностей к секулярно-

¹ См. подробно: Беришвили Н. Оптимизация утомила медиков // Известия. 2017. 5 июня.

² Бутримов М. Оптимизация здравоохранения в цифрах. URL: http://zavtra.ru/blogs/optimizacii_zdravoohraneniya_moskvi_v_tcifrah (дата обращения: 15.05.2020).

³ «Эпидемия выявила те проблемы, которые образовались в здравоохранении за годы реформ, когда в стране было закрыто огромное количество стационаров. В Москве закрыли больше половины больниц, в том числе пошли под нож расположенные в центре старые «инфекционки», – говорит президент Лиги защиты врачей Семен Гальперин. – Была уничтожена и система безопасности, которая готовила медучреждения к чрезвычайным ситуациям. Эта система предполагала, что каждая больница имеет план развертывания дополнительных коек, в том числе карантинных, в случае эпидемии. Иногда эти дополнительные объемы превышали обычные объемы госпитализации в несколько раз. Но, оправдывая преступную оптимизацию, нам заявляли, что в наше время больницы вообще не нужны, а нужна в основном амбулаторная служба. Вот мы и получили вместо нормальных больниц громадные поликлиники, где толпы пациентов бегают по этажам из кабинета в кабинет. В случае эпидемии это просто лучший способ распространения инфекции». Цит. по: Резник И. «Что будет дальше, даже думать не хочется». URL: <https://takiedela.ru/2020/04/chto-budet-dalshe-dazhe-dumat-ne-khochets/> (дата обращения: 16.05.2020).

рациональным, сопровождающийся в том числе укреплением значения ценностей индивидуализма и самовыражения¹.

Если исходить из положения А. Ахиезера о наличии противоречия между культурой и социальными отношениями как движущей силой развития общества², то можно зафиксировать в современной России противоречие между культурой посттрадиционного, но не вполне модернизированного общества, и складывающимися социальными отношениями и институтами общества либерального, «современного», которое и порождает указанную аномию. Привычные ценности, нормы, модели поведения претерпевают серьезные изменения, вызванные, с одной стороны, стремительным «импортированием» новых социальных институтов, с другой – внедрением заимствованных идей, установок поведения.

Изменения в социальной культуре могут происходить и под влиянием наступающей современности, специфики социальности постмодерна, нарождающейся и в нашей стране. Преведняя социальность основывалась на принципах гуманизма, веры в позитивную природу человека, прогресс, справедливость, равенство и свободу, рациональность поведения, т. е. на принципах модерна.

Новая социальность, как отмечается многими авторами, с большой долей вероятности будет базироваться на принципах признания естественности и желательности социального неравенства, индивидуализации общественных отношений, снижении социальной солидарности и усилении иерархических начал в общественных отношениях³. В соответствии с указанной позицией естественен переход российского общества к новому типу социальной культуры, и можно наблюдать в российской действи-

¹ См.: Культурные факторы модернизации: доклад / Фонд «Стратегия-2020» (руководитель проекта А.А. Аузан). URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-5662.html> (дата обращения: 17.04.2020).

² Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / Ин-т философии РАН. 3-е изд., испр. и доп. М.: Новый хронограф, 2008. С. 66–68.

³ См.: Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 440 с.; Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / И.Н. Сиземская и др.; отв. ред. В.Г. Федотова; Российская акад. наук; Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2010. 280 с.

тельности признаки такого перехода. В России и мире в целом происходит метафизическая катастрофа падения, регресса, когда сообщества или индивидуумы мыслят для себя любые приобретения как отказ от обременений. Причем обременением могут стать и привычные ранее понятия поддержки слабых, сострадания и солидарности, религиозные и духовные искания, усилия для роста и развития¹. Для привилегированных групп деконструкция прежних опыта и социальности выступает в форме освобождения ото всех социальных и национальных обязательств. Но для непривилегированных она означает перспективу отлучения от всех прежних социальных и культурных завоеваний цивилизованности².

В условиях ухудшения обеспеченности жизни необходимыми ресурсами повышения социальной конфликтности вполне возможно возобладание права сильного и успешного, слабо заинтересованного во возвращении конкурентов в дележе сокращающегося общественного богатства. Понятие нового феодализма как характеристики ближайшего будущего получило прописку в значительной части публикаций. В документах европейской социал-демократии говорится о появлении нового индивидуализма, который в принципе не отвергает способность людей к солидарности, но не поддерживает необходимость принадлежности к крупным организациям. Одним из результатов данного процесса является кризис социального государства, сложившегося в XX в.³

Вышеприведенные положения позволяют сделать вывод о том, что безопасность общества, стабильность системы государственного управления основываются не только на экономических и демографических факторах, они, кроме того, нуждаются в «культуре солидарности», которая ныне разрушается под влиянием тенденций индивидуализации и иерархизации общества.

¹ Кургинян С.Е. Суть времени. URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4> (дата обращения: 02.05.2019).

² Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 33.

³ Орлов Б.С. Социал-демократия в XXI веке: проблемы, поиски, перспективы: анализ. обзор. М., 2009. С. 56.

По нашему мнению, с учетом исторически сложившейся важной роли государства в отечественных преобразованиях, во многом от его политики зависит выработка формулы органичного соединения личного и общественного, частного и группового, выработка принципов сохранения и утверждения жизненных начал общества, его социокультурной идентичности и социальной сплоченности. Противоречивые тенденции развития социальной культуры российского социума могут быть дополнены формированием перспектив новой солидарной социальной культуры, служащей основой модернизации самобытного типа.

Этими принципами могут и должны быть опора на энергию, потенциал, инициативу самого общества, содействие формированию институтов укрепления социальных сетей доверия и взаимопомощи. Необходимы не только надежды на «естественный» ход исторических событий, но и акцент на создание механизмов ускоренного социально-экономического и культурного развития страны. При этом государство в своей деятельности может опираться на ту или иную составляющую социальной культуры в зависимости от идеологических установок или политической целесообразности. В советское время эксплуатировалась коллективистская сторона социальности русского человека. С перестроечных лет делался акцент на индивидуализм как принцип жизненных стратегий людей и общества в целом. В настоящее время активно продвигающийся лозунг приоритета прав индивидуума перед общественным так или иначе, но в условиях поляризованной социальной культуры разрушает сложившуюся общественную ткань важности единства действий, ценностей и установок, переводя индивидуализм как стиль поведения в атомизированность общества. Поэтому задача общества в новых условиях – сохранять общественную целостность, укреплять социальную солидарность и справедливость без покушения на индивидуальную свободу и выражение индивидуальности, реализацию частного интереса.

Широкая социальная солидарность как неконфронтационный тип отношений между властной элитой, активной частью общества (потенциальной контрэлитой) и народом (относительно пассивными внеэлитными слоями) представляет собой идеологическую «третью альтернативу», преодолевающую и отвергаю-

щую как тоталитарный эгалитаризм, так и либерально-индивидуалистические установки.

Перспективы консолидации российского общества связаны с действием различных *факторов*. Можно, например, вести речь о таких, крайне желательных, условиях, пока что не обладающих в нынешних российских реалиях механизмами реализации, как формирование социально ответственного политического и предпринимательского классов, изменение культуры поведения, в том числе публичного, так называемой элиты общества, изменение ее ориентированной на демонстративное потребление психологии.

Специфической чертой российского общества, историческое наличие которой не способствует его сплоченности, является присутствие социокультурных расколов разных уровней и измерений, опосредующих ее своеобразие и внутренний драматизм: цивилизационный раскол на Запад и Восток, территориальный раскол на центр и периферию, стратификационный социокультурный раскол на элиту и простонародье и др. В общефилософском плане в российской истории и культуре попытки медиации, формирования *«срединной» культуры* постоянно терпят поражение. Причины этого А.С. Ахиезер, Г.Л. Тульчинский обоснованно видят в инверсионном характере российской ментальности, в ряде культурных стереотипов российского общественного сознания, таких как установка на синкретиз (соборность, неделимость), убеждение, что мир сущего не соответствует идеалу должного, мироотречение и эсхатологизм, манихейская черно-белая парадигма, сакральный статус власти, экстенсивная доминанта в выборе решений в проблемных ситуациях¹.

Подчеркнем, что раскол охватывает не только отношения власти и общества, но и все сферы – правовую, экономическую, социальную, нравственную, т. е. весь социокультурный комплекс². В современных условиях раскол определяется прежде

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. 3-е изд. М.: Новый хронограф, 2008. 935 с.; Тульчинский Г.Л. Российский маятник остановился? В поисках новой институциональной матрицы // Философские науки. 2010. № 2. С. 41–42.

² Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся: ежегод. / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социол. РАН, 2007. Вып. 6. С. 301–316.

всего приобретающими все большие масштабы различиями в материальном положении, в сосредоточении огромных богатств в руках небольшой части общества и низким уровнем жизни другой его части, катастрофическими различиями в стиле и смысле жизни различных слоев общества. Его наличие обуславливает трудности выработки не то что национальной идеи, но даже согласованной повестки дня национального развития, отсутствие консенсуса по важнейшим вопросам общественной жизни, в том числе по приоритетам, механизмам и моделям достижения безопасности.

Трудность достижения социальной солидарности связана также с тем, что идея солидаризма предполагает субъектность всех участников социальных отношений, чего нет в условиях современного российского общества. Слабы экономические предпосылки общественной солидарности как идеологии общества достаточно высокого уровня развития.

Тем не менее в требуемом движении российского общества к солидарности объединить его могут, по нашему мнению, следующие факторы и условия.

На первый план со значительным отрывом от других необходимо поставить укрепление социальной справедливости, повышение уровня и качества жизни, наведение порядка во всех сферах жизни, реальную борьбу с коррупцией.

В настоящее время складывающиеся формы социальной солидарности, уже проявившие себя в российском общественно-политическом пространстве – семейные, родственные, дружеские сети взаимоподдержки, обмена услугами, различные гражданские акции и инициативы, – свидетельствуют об имеющемся потенциале российского общества в формировании органичной социальной солидарности.

Помимо указанных ранее способов, если исходить не только из «социального», но и «социетального» смысла понятия солидарности, ее утверждение требует наличия «общего дела», общего замысла, общего будущего для всех слоев и социальных групп. Отечественные специалисты в последнее время достаточно часто в своих работах утверждают необходимость реализации в стране универсального сверхмодернизационного проекта, соизмеримого

по масштабу с Большим Модерном или коммунизмом как проектом альтернативной модернизации. Уникальность подобного проекта предполагается в специфической новой антропологии, в попытках формулировать новый дискурс социальности, ориентированной на гармоничное развитие общества и личности, на реализацию своих наилучших потенций, социальности, которая, не ущемляя возросшую социальную роль индивида, в то же время могла бы противостоять негативным последствиям индивидуализации.

В связи с вышеизложенным отметим, что солидарность определенной общности базируется на осознании идентичности ее составляющих и, в свою очередь, влияет на формирование определенной социальной культуры. Мотивы совместных действий людей могут иметь основу в религии, этническом начале, идеологии и т. д.

В советское время солидарность культивировалась на основе осознания принадлежности «к передовой социальной общности – советскому народу, решающему историческую задачу построения нового передового общественного строя – коммунизма», базировалась на основе «передового идеологического проекта», «единства наций и народов», где коммунизм играл роль новой религии.

Солидарность России царской основывалась на религиозном чувстве, мессианском представлении о России как строителе подлинного христианского мира.

Солидарность народа России может и должна также основываться на ясно выраженной позитивной ценностной основе. Не случайно, например, глава Русской православной церкви Патриарх Кирилл в своих выступлениях последнего времени неоднократно утверждал, что сугубо утилитарная идея роста материального благосостояния, не соединенная с высшими идеалами, вряд ли может быть прочной основой для формирования единства общества по ключевым вопросам.

О.Г. Леонова отмечает, что русская культура дает мировому сообществу некоторую надежду на то, что именно здесь появятся какие-то новые идеи в области онтологии, в области представлений о человеке и Боге, в области моделей новой социальности. При этом крайне необходимо сохранение отечественных базис-

ных ценностей, формирование личности, способной критически воспринимать и оценивать происходящее и достигать тех целей, которые стоят перед этой личностью, а также и перед всем обществом¹. Подобная социальность органична для России, так как идущая из раннего христианства идея ответственности каждого не только за себя, но и других, – ответственности не юридической, а моральной – лежит в основе «русской идеи». Такая идея не позволяет человеку быть счастливым в мире, в котором еще так много горя и страданий. Если целью христианина является спасение души, то в ее русском – православном – понимании ни один не спасется, если не спасутся все².

От решения обозначенных выше вопросов поиска новой социальности российского общества, на наш взгляд, главным образом будет зависеть укрепление его социальной сплоченности и безопасности, формирование новой социальной культуры, создание самих перспектив его дальнейшего развития. Идентичность в настоящее время невозможна на основе религии, так как времена веры в традиционном смысле для большинства людей российской цивилизации прошли. Но будущее социальной организации возможно в ином типе социальной интеграции, опирающейся на доверие людей друг к другу, что и обеспечивает именно солидарность³.

На формирование общезначимого смысла и плана действий должны быть направлены первоочередные задачи политики государства и усилия общественных структур. Речь идет, в частности, о том, что утверждение в общественно-политической практике, духовно-культурной сфере нравственных основ бытия людей, солидарности поколений, социальных групп, власти и общества может также способствовать общественному согласию и уско-

¹ См.: Россия и мир в XXI веке: материалы науч. семинара // Научный эксперт: ежемес. науч. электрон. журн. М.: Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования, 2010. Вып. 4. С. 25. URL: http://www.rusrand.ru/text/Gum_nauka_vyp_4_2010.pdf/Jornal9_2010.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

² См.: Межуев В.М. О смысле «русской идеи» // Научный эксперт: ежемес. науч. электрон. журн. М.: Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования, 2010. Вып. 12. С. 62. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal12_2010.pdf (дата обращения: 18.02.2020).

³ См.: Глинчикова А.Г. Демократическая модернизация и национальная культура // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 54–67.

ренному развитию российского общества и государства. Для этого в СМИ, культуре, образовании, науке должны быть инициированы программы оздоровления и очищения, поощрения и прямой пропаганды общественно полезных инициатив, обеспечения благоприятного информационного и духовного фона преобразований.

В политическом плане солидарность предполагает утверждение принципов народовластия и демократии, создание условий для сопричастности людей к делам государства и власти, ответственности политической элиты. Учитывая характер политической культуры общества, первые шаги к социальному оздоровлению может и обязано сделать государство, опираясь на возвращаемые гражданскую и социальную культуру, подлинно национальную элиту, не отделяющую свои интересы от интересов общества и страны, признающую совместную с обществом ответственность за безопасное социальное развитие и благосостояние граждан.

В связи с этим следует сослаться на мнение И.А. Ильина, определявшего предназначение государства и его деятельности именно в солидарной деятельности во имя общей цели. Ее отсутствие, замечал русский мыслитель, разрушает политический союз и превращает народ во множество разьединенных атомов¹.

Своеобразный коридор возможности и легитимности политического курса, предусматривающего укрепление солидарности, создают установки массового сознания граждан: с одной стороны, в большинстве своем не желающих расплачиваться за общественную солидарность своими правами и качеством жизни, но, с другой – не готовых жертвовать своим государством во имя личного обогащения².

В целях укрепления солидарности общества необходимо формировать этический стандарт, задающий пределы допустимого, особенно в сферах, не регулируемых (или не вполне регулируемых) законом. Государственной политикой должно стать и формирование патриотизма, чувства гражданственности – в общем, всех «больших и сложных» идентичностей, обеспечивающих единство нации и страны.

¹ Ильин И.А. Родина и мы: статьи. Смоленск: Посох, 1995. С. 335.

² См.: Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // Полис. Политические исследования. 2008. № 4. С. 79–80.

Вопросы и задания

1. Какие основные явления определяют социальную напряженность в современной России?
2. Назовите основные, на ваш взгляд, первоочередные меры по укреплению социальной солидарности в России в современных условиях.
3. Каковы социальные и биологические основания солидарности в человеческом обществе?
4. В чем состоит роль солидарности в социальной саморегуляции?
5. Назовите проявления социальной солидарности в различных сферах общественной жизни.
6. Дайте характеристику этапам становления социальной солидарности.
7. Каково состояние социальной солидарности как одного из проявлений социальной культуры в современной России?
8. Каково ваше мнение о взаимосвязи процессов укрепления социальной солидарности и идентичности российского общества?
9. Чем могут быть объяснены тенденции к снижению социальной солидарности в российском обществе?
10. С чем связаны перспективы консолидации российского общества?

Литература

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. Доступ из справочной правовой системы «Консультант-Плюс».

Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник – 2012: сб. науч. тр. / ред.: Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2013.

Дробижева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1.

Ефременко Д.В., Евсеева Я.В., Симонова О.А. Солидарность и альтруизм как факторы социального сплочения (вступительная статья) // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2014.

Идеология и философия солидаризма [Электронный ресурс]: материалы науч. семинара «Россия в историческом и мировом пространстве» / Центр проблем. анализа и гос.-управл. проектирования. М.: Науч. эксперт, 2010. Вып. 9. Режим доступа: http://www.rusrand.ru/text/Gum_nauka_vyp_9.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2013.

Ковригина Г.Д. Социокультурный контекст современной философии патриотизма // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2.

Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Синергия. 2010. № 9.

Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под рук. С.В. Патрушева М.: ИСП РАН, 2006.

Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014.

Скворцов И.П., Отюцкий Г.П., Нарыков Н.В. Основы национальной безопасности: учеб. пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1 Методологический аспект национальной безопасности	5
1.1 Безопасность как социальное явление: методология анализа.....	5
1.2 Обеспечение национальной безопасности как процесс: содержание и институты.....	21
Глава 2 Духовная безопасность современной России	30
2.1 Духовность, сознание, культура: соотношение смыслов.....	30
2.2 Структурные компоненты системы духовной безопасности.....	36
2.3 Глобализация и информатизация как факторы формирования национальной идентичности и обеспечения духовной безопасности.....	48
Глава 3 Национальная идентичность и безопасность современной России	54
3.1 Категория идентичности в социальных науках.....	54
3.2 Место национальной идентичности в системе духовности.....	60
3.3 Проблемы формирования российской идентичности в современном мире.....	68
3.4 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» и «Доктрина информационной безопасности» о духовной безопасности и национальной идентичности.....	73
Глава 4 Цивилизационная идентичность в системе национальной безопасности	82
4.1 Проблема цивилизационной идентичности современной России.....	82
4.2 Потенциал идентичности в укреплении социокультурной безопасности России.....	95

Глава 5 Социальная солидарность в процессах укрепления национальной безопасности.....	103
5.1 Социальная солидарность как проявление идентичности.....	103
5.2 Проблемы и перспективы укрепления социальной солидарности в современной России.....	107

Учебное издание

**ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС УКРЕПЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

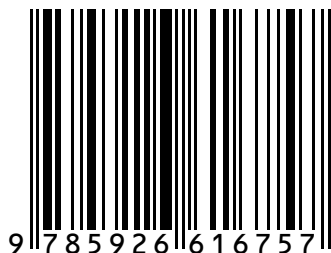
Учебное пособие

Скворцов Игорь Петрович
Готов Сергей Александрович
Отюцкий Геннадий Павлович
Нарыков Николай Владимирович

Ответственный редактор *И. П. Скворцов*

Редактор *Т. Г. Кривошеева*
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1675-7

Подписано в печать 29.06.2020. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 7,2. Тираж 100 экз. Заказ 60.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.